

О. П Е Р О В С К А Я
РЕБЯТА и ЗВЕРЯТА

Л

Ольга Перовская
Ребята и зверята (сборник)

Издательство «Детская литература»

1925, 1939

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перовская О. В.

Ребята и зверята (сборник) / О. В. Перовская — Издательство
«Детская литература», 1925, 1939

ISBN 978-5-08-005318-4

Книга, известная многим поколениям юных читателей нашей страны,
рассказывает о трогательной дружбе ребят с домашними и приручёнными
дикими животными. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005318-4

© Перовская О. В., 1925, 1939
© Издательство «Детская
литература», 1925, 1939

Содержание

Ребята и зверята	6
Дианка и Томчик	6
Мишка	17
Ишка и Милка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Перовская

Ребята и зверята (сборник)

© Перовская О. В., наследники, 1925, 1939

© Годин И. М., наследники, рисунки, 1955, 1963

© АО «Издательство «Детская литература», 2017

* * *

*Светлой памяти дорогих моих родителей эти воспоминания
детства посвящаю.*

Ольга Перовская

Ребята и зверята

Дианка и Томчик

В Средней Азии между двумя большими реками есть плодородная, цветущая местность. По-казахски она называется Джеты-Су, а по-русски – семь рек, Семиречье.

В Семиречье много гор, лесов, зелёных долин и фруктовых садов. Один город особенно славится своими большими яблоневыми садами. Зовут этот город Алма-Ата, что значит «Яблоне-вый».

Сейчас этот «Яблоневый» значит не одними только яблоками и садами. Это круп-ный культурный и промышленный центр Казахстана. Поезда-экспрессы из самбй Москвы регу-лярно прибывают к величественному зданию алма-атинского вокзала.

Многоэтажные дворцы академий, институтов, театров и кино сверкают на солнце, как снежные вершины гор. А горы в своей вечной спокойной красоте высятся, как и прежде.

По широким асфальтированным улицам проходят трамваи, снуют бесконечные машины, грузовики, троллейбусы, и множество нарядных загорелых туристов направляется в специаль-ных автобусах к живописным загородным паркам, в горные санатории и дома отдыха.

Вот каким стал в наши дни когда-то захолустный и тихий «Отец яблок» моего далёкого детства.

В то время, когда я была маленькой, Алма-Ата стояла за шестьсот вёрст¹ от железной дороги. Народу в городе было мало, а если раз в год на улице появлялся автомобиль, то все бросали свои дела и бежали смотреть на него, как на чудо.

Домики тогда строились одноэтажные. В густых садах они были как грибы – сразу-то и не разглядишь.

Мы жили в Алма-Ате. У нас был маленький дом и большой сад. В саду росли... ну и яблони, конечно!.. Но главное – там вместе с нами выростали наши любимцы: разные домашние и дикие животные.

Отец постоянно привозил нам с охоты живых зверят. Мы сами кормили их, смотрели за ними и воспитывали их.

У каждой были свои питомцы: у одной – юркий лисёнок, у другой – ослик, а у самой маленькой сестры – морская свинка.

– А тебе я привезу волчонка, – пообещал мне отец.

– Волчо-онка?.. Ну, это, пожалуй, чересчур. Его не очень-то приручишь. Привези-ка лучше кого-нибудь другого.

– В самом деле, не вздумай привезти волчонка! – всполошилась мама. – Искусает всех, исцарапает и убежит.

– Эх вы, трусихи! Волчонка маленького испугались. А ясаль! Как раз волки замечательно приручаются.

И он рассказал нам про одного ручного волка.

Этот волк, как самая преданная собака, любил своего хозяина, ходил за ним по пятам, защищал его от врагов, сторожил его лошадь в поездках.

– А потом что с ним было?

– Потом? Потом хозяину волка надо было уехать. Ехать нужно было очень далеко – сначала в кибитке, потом в поезде. Кроме того, он не знал, как ещё он устроится на новом месте и захотят ли там принять его вместе с волком. Поэтому он не решился взять его с собой. Он подарил волка своим друзьям. Волк не захотел жить с ними. Тогда хозяин отвёл его в лес. Волк нашёл дорогу и ещё раньше хозяина вернулся домой. Наконец – ничего не оставалось делать – решили его отравить и насыпали ему в кашу яду. Волк съел; шатаясь добрался до подстилки и вытянулся замертво. А хозяин, очень расстроенный, сел в почтовый тарантас и уехал... Через две почтовые станции смотрит – за тарантасом, высунув язык, поспешает бедняга волк. Порция яда оказалась слишком маленькой: волк благополучно выпался и, как только пришёл в себя, бросился за хозяином. Весь длинный путь, около тысячи вёрст до железной дороги, волк ехал в тарантасе. Потом путешествовал в поезде, на пароходе. Хозяин всюду выдавал его за свою собаку, а волк держал себя так хорошо, что все так и считали его собакой. У этого хозяина волк прожил до самой старости, и никогда они больше не расставались.

– Вот это хорошо, отлично! – сказали мы все в один голос. – Ну, расскажи ещё про волков.

– Да зачем я буду рассказывать? Вот привезу волчонка, будете сами его воспитывать, и тогда не я вам, а вы мне много интересного расскажете.

После этого не было дня, чтобы я не напоминала отцу:

– Ну что же ты волчонка не привозишь? Обещал – так вези.

...Однажды утром около моей кровати кто-то громко сказал:

– Вставай, привезли!

Я сразу поняла, кого это привезли, вскочила, накинула платье и побежала во двор.

– Беги в кузницу! – крикнул мне вдогонку отец.

В конце двора была заброшенная кузница. Там сваливали всякий ненужный хлам: поломанные сани, заржавленное железо, разбитую посуду.

¹ Верста – старая русская мера путевой длины, равная 1,067 км.

Дверь кузницы была плотно закрыта и привалена тяжёлым камнем. Я потянула её к себе. Дверь подалась немного, и я бочком протиснулась внутрь. Там было темно. После яркого света я ничего не могла рассмотреть.

Вдруг под печкой, где кузнецы раздувают огонь, послышался шорох. В темноте зажглись четыре зелёных огонька. Я вздрогнула и попятилась. Я нисколько не побоялась бы обыкновенного волчонка, но... с четырьмя глазами...

– Да он не один! Их двое.

Волчата заворчали и, судя по шороху, полезли ещё дальше под печку.

Я знала, что лучший способ расположить к себе животное – это покормить его получше. Я побежала на кухню, налила в миску молока, крошила туда хлеба и вернулась в кузницу. Приоткрыла дверь, чтобы было немножко посветлее, поставила миску на земляной пол, а сама спряталась в темноту.

Волчата долго боялись подойти к еде. Но она пахла очень заманчиво, а они были голодные.

И вот из-под печки выглянула одна серенькая мордочка. За ней – другая. Волчата выползли на свет, осмотрелись и осторожно подобрались к миске.

Тут уж они забыли всякий страх. Широко расставив лапы, они хватили куски, дрожали, захлёбывались, толкали друг дружку. Оттого, что им надо было сразу и проглатывать и рычать, они давились и кашляли прямо в миску, так что молоко в ней вздувалось пузырями.

Они были так заняты едой, что не заметили, как я подошла ближе.

Продолжая ссориться, они, как самые обыкновенные голопузые щенки, оттирали друг друга плечами. Как и у щенков, у них были большие животы и лапы, только хвостики были потоньше и поглее, а уши торчали вверх.

Еда кончилась, но волчата не собирались расставаться с миской. Один забрался в неё с ногами и старательно вылизывал последние крошки. Другой поднял голову, вздрогнул и пристально уставился мне в лицо. Я видела, что волчонок растерялся, улыбнулась и, чтобы он не боялся, хотела его погладить.

Щёлк! Я едва успела отдёрнуть руку. Волчонок тоже отскочил в сторону.

Вот злючка несчастная! От горшка два вершка, а тоже ещё, не даётся погладить! Чуть палец не откусил. А за что, спрашивается: за молоко и хлеб? Ладно же!

Я не стала больше набиваться им в дружбу. Но, по правде, мне было обидно.

Во дворе меня окружили ребята:

– Ну, что волки, какие они?

– Отличные волки, – ответила я без запинки, – сразу же стали ко мне привыкать. Уже слушаются меня. Вот только надо придумать им имена.

Мы расселись на брёвнах тут же, возле кузницы, и стали придумывать. Отец сказал, что волчата – самка и самец, и мы назвали их Диана и Том.

В полдень я снова принесла им еду и позвала, зачмокав губами: «Путь, путь, путь, путь...»

Волчата вылезли и принялись есть. Пока они ели, я широко раскрыла дверь. В кузницу заглянули собаки. Я испугалась, что они будут драться с волчатами, и хотела их прогнать. Но волчата сами бросились к ним навстречу, поджав хвостики и улыбаясь. Они старались лизнуть их в морды, опрокидывались на спину, дрыгали в воздухе ногами – словом, пресмыкались перед ними, как настоящие щенки. Наверно, они принимали собак за волков и потому так сильно радовались.

Собаки строго на них огрызнулись. Миска с едой была им в сто раз интереснее этих двух маленьких подлиз. Они понюхали миску, доели то, что волчата не успели, и пошли из кузницы во двор.

Волчата так ликовали при виде собак, что забыли всякий страх и осторожность и побежали следом за ними. Они отошли довольно далеко, как вдруг оглянулись по сторонам и... ужаснулись. Ничего похожего им никогда не встречалось в лесу.

Увидели телегу – прилегли к земле и оскалились. Подождали немного – телега не шевелилась. Видно, не собиралась нападать. Они осмелели.

Вытягивая шейки и приседая от страха, они дошли до середины двора.

Собаки давно убежали от них на крыльцо, и волчата остались одни. Они жалобно заскулили, но собаки не пожелали сойти к ним. Тогда они убрались восвояси.

На беду, им пришлось проходить мимо амбара. Под амбаром жила собака Лютня со своими новорождёнными щенками. Она вообразила, что волчата подкрадываются к её детям. Вылетела, схватила за шиворот Томчика и основательно его встряхнула.

Мы бросились выручать волчонка.

Лютня выпустила его из зубов, и оба они – Дианка и Том – убежали в кузницу, забились под печку и утихли.

Вот бедняга Том! В первый раз вышел – и так ему досталось!

Мы в смущении топтались вокруг кузницы, заглядывали под печку, ласково заговаривали с волчатами, подсовывали им разные лакомства.

Они милостиво съедали угощение, а в ответ на уговоры только сердито бурчали.

Но, как ни велика была обида, они недолго усидели под печкой.

Сначала высунулась Дианка. Вылезла, посидела немножко и опять юркнула обратно.

Потом вылез и Томчик. Ухо у него было всё в крови, голова взлохмачена, под глазом оцарапано. Он встряхивал головой и наклонял больное ухо к земле.

Рядышком, плечом к плечу, уселись они на пороге кузницы и смотрели на двор, обиженные и грустные.

Следующий день прошёл так же, а на третье утро, когда я пришла их кормить, они уже стояли у дверей и ждали.

Дианка вышла во двор и, незаметно для себя, взобралась за мной на ступеньки террасы. А Томчик остался внизу.

Мы заметили, что Дианка была гораздо бойчее брата. Она первая вылезала на зов и при виде чашки с едой умильно облизывалась.

На террасе как раз пили чай. Дианку отлично встретили. Никто её не пугал. Наоборот, все старались угостить её чем-нибудь. Ей набросали много лакомых кусочков. Она наелась и, очень довольная, спустилась вниз к брату.

Трусишка Томчик обнюхал её мордочку и сразу же догадался, что Дианка очень вкусно поела. Он облизнулся и снова стал нюхать. А Дианка стояла весёлая. Глаза у неё блестели, как бусинки, хвост топорщился от сытости и ни за что не хотел прижиматься к телу. Всем своим видом она словно говорила: видишь, как хорошо быть храброй!

Потом оба волчонка отправились знакомиться с местностью.

На этот раз они уже не выглядели такими запуганными. Они спокойно осмотрели двор, обогнули дом и очутились в саду.

Я потихоньку пошла за ними. Сад напомнил им лес. Они как-то сразу выпрямились, осмелели, прыгнули в кусты. Потом выбежали на полянку, заиграли и опять скрылись в глубине сада. Они обнюхивали каждый куст, знакомились с каждым деревом. Наигравшись, завалились спать в зарослях вишняка. Там я их и оставила. В эти заросли я принесла им обед. Но на том месте, где они заснули, никого не было. Я стала их звать. Долго звала и всё всматривалась в гущину сада: не идут ли волчата?

Миску с едой я поставила на траву и присела около неё, помешивая палочкой.

Куда же они подевались?

Я начала беспокоиться. И вдруг вижу: в кустах, у самой моей руки, мордочки!.. Они давно уже подкрались и смотрели, что я делаю. Должно быть, они думали: «Вот глухая тетеря, под самым носом ничего не слышит!»

А как их услышишь, когда они такие толстые, неуклюжие, а ходят бесшумнее бабочек?

Пока волчата ели, я растянулась на траве и притворилась, будто сплю. Не знаю: то ли сад и свобода так подействовали на волчат или, может быть, правда, они уже привыкли ко мне, только обращались они со мной очень нахально: один подышал мне в лицо, другой дёрнул за платье, за косу. Дианка украла мою туфлю и утащила её в заросли. Томчик пустился за ней отнимать. А когда эта их новая игрушка наконец опять возвратилась на мою ногу, вид у неё был очень потрёпанный.

Весь день они провели в саду и в саду же остались на ночь.

Так прошло несколько дней. Волчата пользовались полной свободой. Я знала только одно: кормить их получше, чтобы им не пришло в голову отправиться куда-нибудь на добычу.

Первый раз я кормила их на рассвете, часов в пять утра. Чтобы никого не будить, я с вечера приготавливала еду и прятала её около своей кровати, а с восходом солнца вылезала через окно в сад, находила волчат и кормила. Когда они заканчивали есть, я забирала чашку, и опять через окно влезала в комнату, и снова заваливалась спать.

Волчата провожали меня до окошка и так запомнили его, что, когда я, бывало, засплюсь и опоздаю, они подходили к окну, становились на задние лапки, поднимали головы и выли.

Моя кровать стояла под окном. Я выглядывала, и волчата, видя, что я проснулась, прыгали от радости.

Они стали совсем ручные. Я тоже к ним очень привыкла, и если не видела их несколько часов, то уже скучала по ним.

Часто и подолгу я играла с волчатами. Мы барахтались в траве и бегали по саду. А если мне случалось прийти в сад читать, они моментально отыскивали меня, садились напротив и, подождав немного, начинали меня тормошить.

Раз как-то Дианке наскучило, что я всё читаю, и она, громко зевнув, уселась на книгу. Я толкнула её, перевернула на спину и за задние лапки потянула по траве. А Том в это время схватил книгу и с особенным удовольствием растрепал её по листочкам.

У волчат была забавная привычка. После еды животы у них становились как тугие барабаны. Они ложились на траву и ползали, разглаживая живот о землю.

Удивительно, ведь они не знали медицины, а понимали, что массаж – вещь полезная.

Как-то я бродила с ними по саду и вздумала полакомиться сливами. Снизу слив не достать – высоко. Я полезла на дерево. Трясу и слышу, как сливы сочно шлёпаются на землю. Натрясла порядочно. Слезая. Ищу, ищу под деревом и ни одной не нахожу. Что за непонятное явление? Полезла опять. Опять натрясла, а когда слезла на землю, увидела, что Дианка и Том взапуски подбирают и едят мои сливы.

Оказалось, что они очень любят фрукты, понимают в них толк и безошибочно отбирают самые спелые.

Я стала часто их угощать – трясла им сливы, абрикосы и яблоки.

Дианка и Том излазили все закоулки сада, но редко подходили к дому. Они были малообщительны и людей не любили. Знали и любили они только меня. Меня они встречали, ласкались ко мне, прыгали передними лапами ко мне на грудь, лизали руки, лицо.

Как-то я похвасталась, что волчата знают мой голос и отличают от всех других.

Меня подняли на смех:

– Всё это ты выдумываешь! Ничего они не различают, а просто подходят за кормёжкой. Проголодаешься – так небось ко всякому пойдёшь.

– Нет! – стояла я на своём. – Вот давайте испытаем, тогда сами увидите.

Собралось человек восемь ребят. Заинтересовались даже взрослые.

Все столпились у калитки сада.

– Только давайте мне миску с едой, – сказала сестра.

Она взяла миску, вошла в сад и начала звать. Звала долго, но никто не вышел, и она с позором возвратилась обратно.

Пошёл другой, третий... Перепробовали все. Тогда я сказала:

– Ну а мне даже миски не нужно, ко мне они и так прибегут, – и вошла в сад.

Признаться, я сильно струсилась: а вдруг Дианка и Том подведут?

– Дианочка! Томчик! – позвала я волчат. А у самой сердце так и билось от волнения.

И все увидели, как они ко мне бросились. Волчата сейчас же подбежали, потому что были близко и только ждали моего зова.

– Вот! А вы говорите – не различают!

Лето подходило к концу. Волчата заметно выросли; это было видно по тому уважению, с каким теперь относились к ним собаки. Раньше, когда волчата были совсем маленькие, собаки не обращали на них никакого внимания. Теперь они всё чаще и чаще стали навещать в гости к моим питомцам.

Как-то раз они ворвались в сад и начали носиться между деревьями, лая, визжа от восторга и кувыркаясь. Было ослепительно яркое утро. Земля была мягкая, и опавшие листья так и манили зарыться в них носом. Собаки перепрыгивали одна через другую, подкидывали носами тучу листьев и, казалось, не могли остановиться ни на минутку, словно внутри у них кто-то завёл тугую пружинку и она неудержимо толкала их вперёд. Волчата были захвачены собачьей радостью и тоже разыгрались. Дианка ударила лапой Тома, отскочила, пригнулась и ждала: «Ну-ка, Томчик, давай-ка им покажем, как по-нашему играют».

Тут поднялась такая кутерьма, что всё перемешалось. И скоро Дианка уже удирала от Заграя, а Лютня тянула за хвост Тома. И когда Том, обернувшись, сшиб её лапой с ног, она ничуть не обиделась, вскочила, отряхнулась и с ещё большим жаром продолжала игру.

После этого собаки стали каждый день приходить в сад. Дианка и Том, играя с ними, выходили во двор. Между собаками и волками началась дружба.

Такая дружба – редкость. Но уж если волк подружится с собакой, то дружба эта крепкая. Знаете, какой случай был на Севере, у одного якута?

Якут этот однажды стоял со своими оленями на зимовке. Вокруг на много вёрст не было ни жилья, ни собак. И у него была только одна-единственная собака – лайка, которая сторожила вместе с ним оленей. И вот якут стал замечать, что лайка ворует юколу (сушёную рыбу) и уносит её куда-то в лес. Он попробовал последить за ней, но ничего не узнал. Лайка аккуратно каждый день таскала рыбу. «Почему она не ест сама? Куда она её уносит?» – удивлялся якут. К весне у лайки совершенно неожиданно родились щенята. Хозяин собаки был очень доволен. Щенки – большая радость в хозяйстве якута-оленевода. За хорошую собаку на Севере дают оленя. А эти щенки были на редкость хорошие: сильные, выносливые и росли как на дрожжах. Вскоре якуту пришлось перекочевать на летнюю стоянку. Он сложил свой скарб на сани и поехал, а лайка со щенками побежала сзади. На пути им пришлось проезжать через лес. Вдруг якут оборачивается и видит, что к его собачьему семейству присоединился волк. В первую минуту он схватил ружьё и хотел его убить. Но тут его осенила догадка. Он понял, что этот волк – отец щенят и что лайка для него воровала зимой сушёную рыбу. Он не застрелил волка, и волк со своей семьёй отправился на летнее становище...

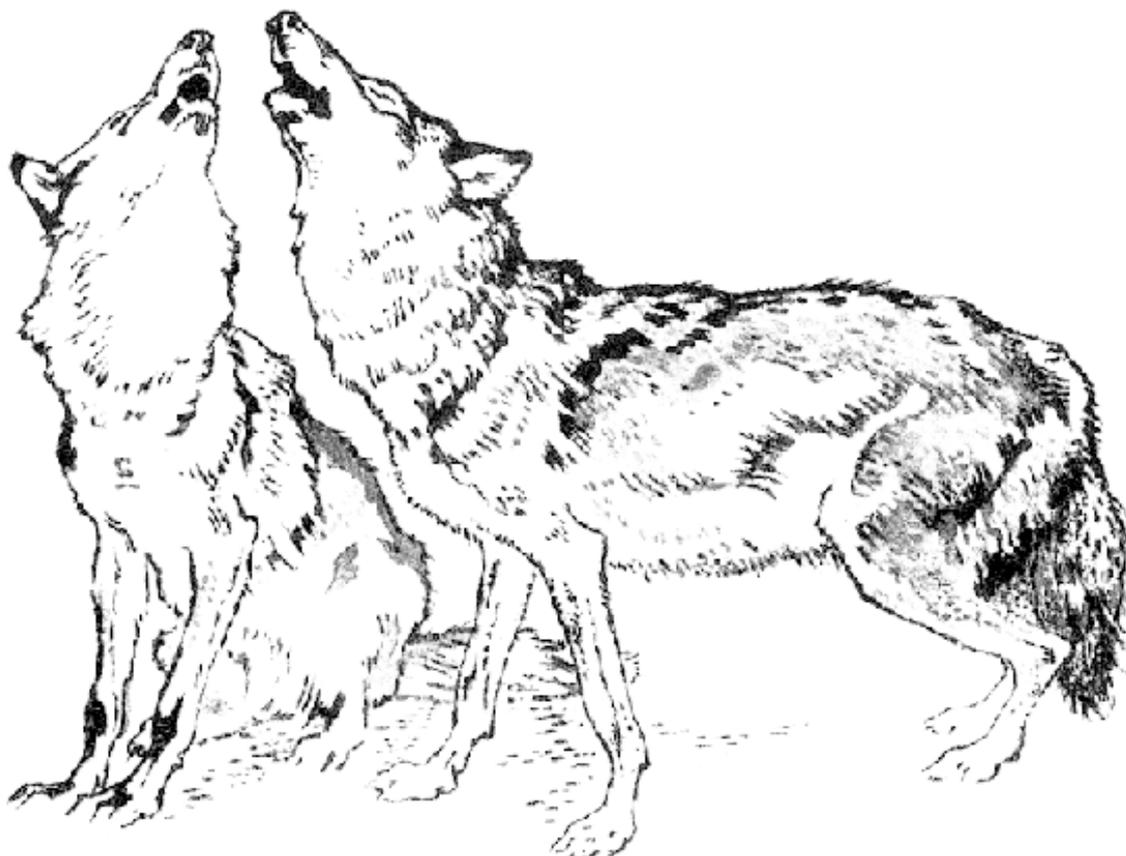
К зиме Дианка и Том стали совсем взрослыми. У них выросла густая длинная шерсть и на щеках – баки. Хвосты сделались пушистые, мягкие. Ростом они были уже с крупных, мощных собак.

Незадолго до первого снега волки устроили себе логово. Оно было настолько большое, что иногда вместе с волками там заваливались спать и собаки.

Дружба с собаками плохо отразилась на Дианке и Томе: от собак они научились рвать кур. Дома им за это сильно доставалось, поэтому они отправлялись через забор к соседям и хозяйничали у них. Один раз к отцу явился сосед. В руках у него была растерзанная индюшка. Он уверял, что это сделали наши волчата, и требовал за неё денег.

– И смотрите, – грозился он, уходя, – если только увижу их у себя, уж я...

Дианку и Тома в тот же день привязали на цепь. Жить им стало теперь не так, как раньше, широко и привольно.

Однажды утром к нам во двор зашёл шарманщик и заиграл какой-то вальс. Вдруг за сараем послышался громкий грубый голос. К нему присоединился второй. Это волки запели вместе с шарманкой. Только они начали петь, сейчас же из всех закоулков повывелись собаки. Они тоже подняли морды и давай подтягивать на разные голоса. Получился такой концерт, что шарманщик смеялся до слёз. Он махнул рукой на свои вальсы: их всё равно никому не было слышно, и он вертел ручку шарманки только ради неожиданных лохматых певцов.

Волчата выли теперь очень часто: нелегко вольному существу на цепи, в неволе!

Бывало, не успеет ещё как следует стемнеть, а они уже начинают своё унылое: «У-ууу, у-ууу!...»

Мы заметили, что собаки научились выть по-волчьи, а волки... лаять, совсем как собаки.

Отец сначала не верил, а потом сам убедился в этом. Как-то Дианка лаяла. Я пошла и позвала отца. Он услышал, удивился и сказал, что это большая редкость.

Чтобы облегчить волчатам неволю, мы водили их в поле, за город. Чуть только выпадет свободная минутка, возьмём цепочки в руки и идём гулять. Волки прекрасно бежали в поводу. Но вот в чём беда: уж очень мы были плохими товарищами для них в ходьбе. Мы, бывало, находимся до того, что хоть языки высовывай от усталости, а они только ещё во вкус входят.

Им всё-таки не хватало движения, и они старались сорваться с цепи. Они наловчились отвызываться. Нажмут каким-то образом скобочку у цепи – и снимут её с кольца у ошейника.

Когда они отвызывались, все домашние бежали за мной. Волчата подходили только ко мне. То и дело слышалось:

– Ну ты, Сестра Волков (это меня так прозвали), иди привязывай своих красавцев!

Как-то перед Новым годом я услышала крик:

– Томка сорвался и убежал к соседу!

Я – как была, без пальто, без шапки, – выскочила во двор. Чтобы не бежать кругом, через улицу, я бросилась напрямик, через сад. Дорожек в саду не было, а снег лежал по колено.

Ещё издали через решётку забора я увидела, что посреди соседнего двора стоит Томчик, а на крыльцо выходит сосед с ружьём.

– Подождите! – закричала я что есть силы. – Подождите!.. Я сейчас!.. Я привяжу!.. Не стре... – Голос у меня сорвался. Я увидела: сосед поднял ружьё...

Раздался выстрел, и Том как подкошенный свалился на снег.

Я добежала... швырнула в соседа цепью, ухватила его за тулуп, трясла изо всех сил и повторяла:

– Ах, вы!.. Вы...

Собралось много народу. Все шумели, кричали.

Я положила мёртвую голову Тома к себе на колени и, сидя около него на снегу, горько-горько плакала.

Не помню, как мы вернулись домой, как принесли Тома...

В тот же вечер я, простудившись, слегла в жестоком жару.

Я пролежала в постели почти два месяца.

Оставшись одна, без Тома, – а тут ещё и я заболела, – Дианка совсем затосковала. В первые дни она даже от еды отказывалась, выла, металась; все думали, что она издохнет.

Во время болезни, в бреду и когда приходила в сознание, я упрашивала всех приласкать Дианку, кормить её и смотреть за ней получше.

– А Дианку кормили?.. А Дианка уже спит? – спрашивала я каждый раз, когда мне приносили бульон или укладывали меня спать.

– Дианка молодец! Ест за двоих и о Томчике уже вовсе не вспоминает.

Когда я стала поправляться, я попросила, чтобы её привели ко мне в комнату. Пришла, гремя цепью, огромная волчица. Я сперва даже не узнала Дианку – такой у неё был могучий вид. И она тоже не узнала меня. Но только у меня-то вид был вовсе не могучий: меня обрили и я так похудела, что остался один нос.

Дианка с интересом оглядывала незнакомую обстановку. Я позвала её:

– Дианка! Дианочка!

Она сразу вспомнила мой голос и с силой рванулась ко мне. Я гладила её. Она закрыла глаза от удовольствия и так стояла, помахивая хвостом.

Около меня на кровати сидел толстый кот. Ему не понравилась Дианка. Он решил, что это просто нахальная собака, а собак он привык держать в строгости.

И вот недолго думая он расфуфырился, зашипел и... трах Дианку лапой по морде! Я так и обмерла.

У Дианки вся шерсть поднялась дыбом. Она раскрыла свою страшную пасть, и...

– Дианка, миленькая! Дианочка!..

Я уцепилась за неё что было силы. А она, взяв кота поперёк туловища, сняла его с кровати, поставила на пол и снова вернулась ко мне.

Каждую весну мы всей семьёй переезжали из города в лес. В пятнадцати верстах от города, в горах, был маленький домик – лесной кордон. Мимо кордона бежала горная речушка. В лугах было много цветов, а повыше, под самыми снегами, стояли на летних кочевьях – джай-

ляу – казахи. Их дети были нашими закадычными друзьями. Мы очень любили этот кордончик и всегда радовались весенним переездам.

В этом году я особенно ждала переезда – думала, что в горах Дианку не станут привязывать.

Но и там ей пришлось сидеть на цепи: недалеко от кордона был маленький посёлок, и тамошние жители боялись гуляющей на свободе волчицы.

Однажды Дианка сорвалась и убежала в посёлок.

На крыльцо одного домика выскочила злющая моська и, захлебываясь от ярости, стала кидаться на Дианку. И ведь какая бесстрашная! Сбежала с крыльца и прямо так и лезет! Вдруг Дианка схватила её и как-то в один миг перегрызла ей горло.

Из дома высыпали хозяева собачки – кто с дубиной, кто с кнутом – и окружили Дианку. Увидев, что дело плохо, она спряталась за меня и весело поглядывала на врагов: дескать, здесь-то я в безопасности, уж тут меня в обиду не дадут!

И верно, я не дала её в обиду. Но зато меня изругали последними словами и ходили жаловаться на меня и на Дианку родителям.

Прошло несколько месяцев. Что же это такое? Неужели Дианка так и будет вечно сидеть на цепи?

Отец уговаривал меня отпустить её на волю. Я долго не соглашалась.

– Привязать бы тебя на цепочку – попробовала бы, как это приятно.

Я решила «попробовать». Целый день просидела рядом с Дианкой – и согласилась.

Однажды утром я сытно накормила её. Отец сел на лошадь, взял в руки цепочку, и Дианка весело побежала за ним.

Отец увёл её далеко в лес, снял с неё ошейник, и она мигом скрылась в чаще.

«Да, – подумал отец, – как волка ни корми, он всё в лес глядит».

Он подождал, пока Дианка убежит подальше, и поехал в обратный путь. Вернулся домой к вечеру.

– Ну что она, ушла?

– Ушла, – ответил отец. – И забыла даже передать тебе привет.

– Ну что ж, и пусть... Очень хорошо... – Я опустила голову: всё-таки это грустно, когда твой товарищ легко покидает тебя и уходит в лес.

Но тут в руку мне ткнулся чей-то холодный нос. Посмотрела – а это Дианка! Она прибежала вслед за отцом...

И ещё раз мы попытались её отвести. Отец завёл её и уехал дальше, за перевал, в другую сторону.

Прошло четыре дня, и Дианка опять вернулась, усталая, отощавшая, вся в репьях. Видно было, что она долго где-то блуждала, но всё-таки отыскала свой дом.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы нам не пришлось переезжать в другой город. Прежде всего стал вопрос: как устроить всех наших питомцев?

Я, конечно, больше всего хлопотала о Дианке. Мне всё вспоминался рассказ отца про того волка, которого хозяин хотел отравить, и я изо всех сил старалась устроить Дианку так, чтобы ей без нас было так же хорошо, как с нами.

И вдруг, совсем неожиданно, это отлично устроилось.

За последние полгода в нашем городке и в окрестных сёлах произошло несколько краж. Воры увели со двора лошадей, коров и спрятали их неизвестно где. Для борьбы с кражами из России выписали сейчас же за большие деньги несколько известных собак-ищейек.

С собаками приехал специальный человек, которому поручили бороться с этим неслыханным прежде позором и безобразием.

Случайно я попала с отцом к этим собакам. Они были очень хорошо устроены. Для них отвели большой участок с садом. Каждая собака жила в отдельном домике. Кормили их досыта и никому не позволяли на них кричать или бить их.

Эти собаки были очень похожи на волков, и мне сразу пришло в голову: а не попросить ли, чтобы Дианку тоже взяли сюда? Я сказала отцу, отец – заведующему.

– Волчицу?! Ручную?! – закричал заведующий. – Да хоть сию минуту! Ведь это же моя мечта! Я как раз ищу такую...

И вот Дианка переехала в питомник и поселилась в одном домике с собакой-сыщиком Вольфом.

Я до отъезда каждый день ходила к ней в гости. Она по-прежнему ласкалась ко мне. Выглядела она сытой, весёлой и довольной. Я уехала спокойно, уверенная в полном её благополучии.

В новом городе у нас не было животных, и нам без них было скучно. Я не упускала случая узнать что-нибудь про Дианку. Первые два-три года заведующий питомником писал нам письма. Он сообщал, что у Дианки и Вольфа были щенки. Эти щенки отличались редкой выносливостью и здоровьем, а главное – из них вышли замечательные сыщики.

Потом мы перестали получать вести о собачьем питомнике. Только позже, стороной, мы узнали, что питомник этот стал знаменит на весь Казахстан. Собаки его без ошибок находили преступников. Спрятаться от них не было никакой возможности. На воров они нагнали такого страха, что в самой Алма-Ате кражи почти совсем прекратились.

Через несколько лет мы опять вернулись в Алма-Ату. Я первым делом пошла в питомник. Служащий сказал мне, что Дианки и Вольфа уже нет в живых. Они состарились и умерли.

– А дети их? – спросила я. – Можно их посмотреть?

– Сейчас собаки все на ипподроме. Там нынче выставка и состязания служебных собак.

Я побежала на ипподром. Громадные павильоны его были забиты народом, как в дни больших скачек.

Было очень интересно. Сначала показывали молодых щенят, которые только недавно начали учиться. Они старательно исполняли свои номера: прыгали через барьеры, влезали по лестницам на вышки, доставляли через поле выючки со снарядами. Их заставляли отыскивать спрятанные вещи и выполнять много других поручений.

Вдруг прибежал кассир, который продавал билеты у входа, и громко закричал, что у него украли все деньги из кассы.

Публика заволновалась, все стали хвататься за карманы, щупать, целы ли у них деньги.

За ворами сейчас же пустили собаку. Она обнюхала кассу и бросилась в ряды, где сидела публика. Пробежала один, другой, третий ряд. В четвёртом, в самой середине, сидела богато одетая, расфранчённая женщина. На ней была большая, с огромным решето, шляпа – самая модная в то время.

Собака подбежала к этой даме, обнюхала её – и вдруг кинулась прямо к ней на плечи. Женщина загоразивалась руками и тоненьким, каким-то смешным голосом возмущалась:

– Что такое? Что за безобразие? Я буду жаловаться...

– Конечно, безобразие! – зароптали в публике. – Разве такая дама может украсть?

– Она же давно тут сидит, с самого начала...

– Собака ошиблась... Где же служащие, что они смотрят?

– Этак собака может любого человека ни за что изуродовать!

Но собака не понимала этих возгласов и продолжала своё дело. Вот она добралась до модной шляпы, вцепилась в неё зубами, рванула – и стащила шляпу вместе с волосами.

– Ой, что же это?! – крикнула какая-то женщина рядом со мной.

– Какой ужас! – поддержала её другая.

Но тут мы все увидели, что у дамы под большой шляпой и под длинными волосами – другие волосы, коротко остриженные, как у мужчины. Глянули вниз, а там собака уже растрепала шляпу, парик, вытащила аккуратно связанную стопку денег и, держа её в зубах, устояла на даму.

Тогда дама тут же при всех сняла через голову платье. Под платьем оказалась форменная тужурка, сапоги, брюки.

– Да это же служащий! – догадался кто-то.

Все захохотали, захлопали в ладоши. Каждому хотелось погладить умную собаку, но служащий сказал, что посторонним не разрешается ласкать служебных собак.

После этой сценки было показано ещё несколько представлений. Собаки проявили в них прекрасную выучку, сообразительность, смелость и замечательное чутьё. А потом был парад.

Перед публикой одну за другой проводили лучших, отличившихся собак, называли их имена, перечисляли их подвиги и объявляли награды. Музыка играла туш.

– Джой и Спай! – с торжеством в голосе объявил распорядитель парада. – Дети Вольфа и настоящей волчицы Дианы. Они только что вернулись с московской выставки. Там они заслужили высшие награды – большие золотые медали. На этом состязании они идут вне конкурса, потому что здесь им нет равных.

Все шумно захлопали в ладоши и стали подниматься с мест, чтобы получше разглядеть знаменитостей. Музыка снова играла туш.

Перед зрителями стояли два огромных красавца волка.

Я любовалась ими и вспоминала Дианку и Тома.

Мишка

В маленьком домике лесного кордона все спали. Под горой рокотала река, ворочала тяжёлые камни. Вдруг сквозь гул послышались голоса, понукавшие лошадей:

– Но-о! Но-о, Гнедой! Айда! Э-э-эй!

Тяжёлая подвода въехала на крутой подъём, дотащилась до кордона и стала.

Лошади опустили головы и шумно дышали.

Отец обошёл домик и кнутовищем постучал в окошко.

– Сейчас открою! – откликнулась из комнаты мама.

Пока она одевалась, отец и его товарищ, Федот Иванович, отвязали что-то лежавшее впряжку на телеге, осторожно положили на землю и стали распутывать верёвки.

Соскучившийся по дому Гнедой нетерпеливо толкал носом запертые ворота.

Наконец ворота распахнулись. Телега въехала во двор и остановилась у сарая.

– Что вы так долго не возвращались? – спрашивала мама, помогая убирать поклажу. – Я думала, уж не случилось ли чего.

– Как же, случилось. Задержались на два дня. Зато смотри, кого привезли! Это ребятам в подарок.

И они показали на что-то, в темноте похожее на телёнка.

– Батюшки! Да где же вы его поймали? Довезли-то как, такого маленького? Ну, давайте его сюда, в сарайчик. А кормить его не надо? Может, он есть хочет?

– Нет, сейчас он не станет есть: слишком его растрясло. Пускай он лучше отдохнёт, а завтра дадим ему молока.

Отец уложил «подарок» на солому, укутал его попоной и припёр дверь сарайчика большим камнем.

– А ты куда? Пошёл отсюда, дурень! – прикрикнул он на лохматого дворового пса Майлика.

Майлик давно уже старался обратить на себя хозяйское внимание. Едва под горой послышались голоса, он помчался встречать. Он расцеловал в морды Гнедого и Машку, облизал хозяйские сапоги, облетел волчком, крепко поджав хвост и закинув голову, весь двор – словом, из кожи лез вон, чтобы получше выразить свою радость и любовь к приезжим. А когда отец привалил к сарайчику камень, Майлик обхватил его лапами и силился откатить на прежнее место.

– Одурел от радости! – засмеялся отец. – А может, он и вправду хочет забраться в сарайчик? Задушит ещё малыша...

– Нет, это он так, перед тобой выслуживается, помогает. Пошёл, Майлик! Не суйся, куда не просят.

Все поднялись на крыльцо и вошли в дом. Разбудили Соню и меня.

Мы сбегали с ведёрком к реке.

На крыльце зашумел самовар. Мама стала жарить лепёшки. За чаем отец рассказал, как «подарок» остался один в лесу, возле убитой кем-то матери.

– Ведь вот какой народ подлый! Знают, что весной у них маленькие. Нельзя в это время охотиться. Нет, всё-таки стреляют. Убили у него мать, а он и толчётся вокруг неё. Да и правда, куда же ему, такому, деваться? А убивать тоже жалко. Ну вот мы и решили с Федотом Ивановичем взять его с собой. Пускай растёт с ребятами.

Мама очень это одобрила.

Ей с первого взгляда понравился маленький «подарок», и она сразу же стала его верной защитницей.

Юля и Наташа тоже проснулись. Услышали, что отец с матерью говорят про какой-то «подарок», и повысовывали из-за двери свои заспанные рожицы.

– Мама, – басом справилась Наташа, – а есть его можно, этот подарок?

– Нет, – ответила Юля, – он живой.

– Мама, а кто он такой?

– Мама, это нам, что ли, привезли? А ну-ка, где он? Где он, мама?

– Спице, спице! – строго прикрикнула мать. – Завтра увидите.

Ничего не поделаешь, пришлось им дожидаться завтра.

Мама проснулась рано, чуть только забрезжил рассвет. Встала, разбудила Соню и меня, и мы все вышли во двор.

Лошади всю ночь стояли на выстойке без корма. Они успели уже обсохнуть от пота и были голодные. Увидев нас, они тихонько заржали.

Мы сняли с них сбрую и погнали вниз к реке. Они напились, прибежали обратно во двор и, став у плетёной кормушки, принялись громко жевать клевер.

Соня подоила корову и выпустила её за ворота. Корова отправилась в горы пастись.

А мама зашла в дом, отлила в ведёрко парного молока и позвала младших сестёр:

– Ну вы, сони! Вставайте, пойдёмте нашего гостя кормить.

Юля мигом вскочила, накинула платье и башмаки и побежала за мамой.

Она вся дрожала, но не столько от утреннего холода, сколько от возбуждения.

Дверь сарайчика была открыта настежь, и Соня ласково говорила кому-то:

– Ну, ну, дурачок, будет тебе...

Рядом с ней на соломе стоял маленький олень и сосал её пальцы.

Юля захлебнулась от восторга. Она подсела к оленёнку и стала поглаживать его мордочку и ножки, заглядывала ему в глаза и без конца задавала вопросы:

– Отчего у него такие тоненькие ножки?.. Сколько ему лет?.. А где его мать и отец?.. Он на телеге при-ехал?.. Смотрите, смотрите, как лижет руку! – Она растроганно засмеялась. – Проголодался, значит.

Мама дала ему палец и вместе с мордочкой малыша опустила руку в ведро. Оленёнок понял, засосал палец и стал тянуть молоко.

Он жадно глотал, захлёбывался и фыркал, когда молоко попадало ему в ноздри. Мы шёпотом обсуждали каждое его движение.

– Смотри, как он ноги широко расставил. Это чтобы не упасть.

– А они всё равно у него гнутся – вот-вот поломаются.

– Да нет, это он – чтобы побольше влезло.

– А ведро как толкает! Как телята, когда сосут корову.

– Так что же, ведро ему корова, что ли? Вот глупый!

Мы с Юлей затряслись от смеха. А Соня строго посмотрела на нас и сказала:

– Сами вы больно умные! Даже не знаете, кто это такой.

– Нет, знаем: оленёнок.

– Сами вы оленёнки! Это вовсе марал. Такой азиатский олень. Я про него всё знаю, в Бреме прочтала – там всё про них сказано.

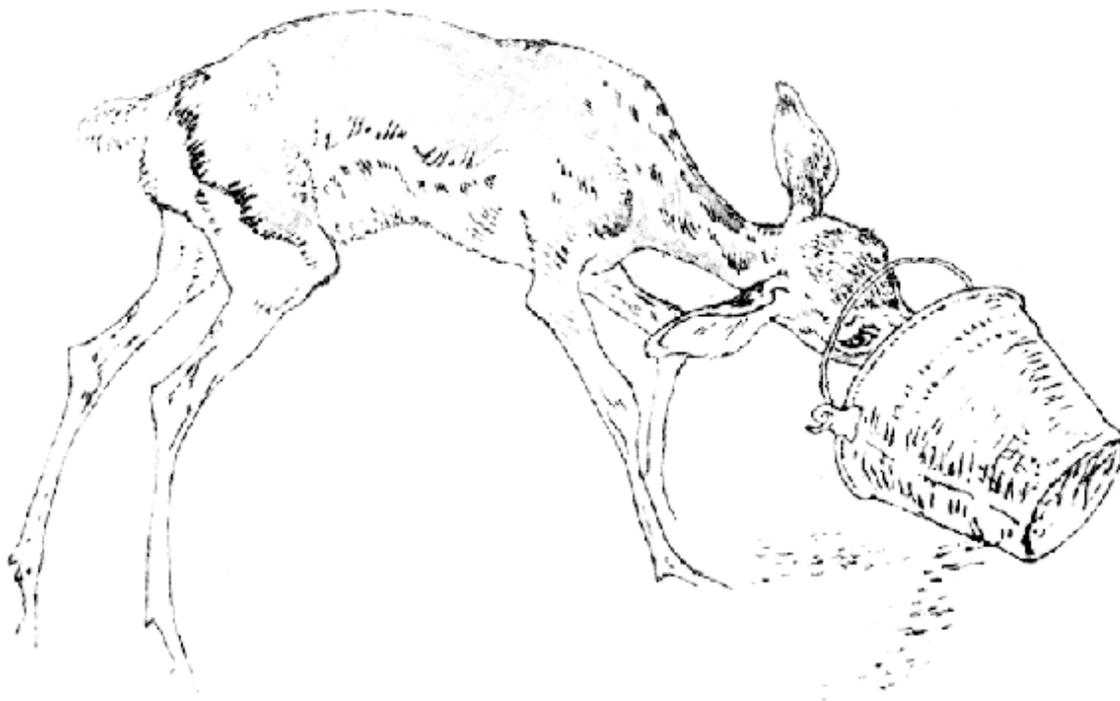
После такого сообщения мы затихли и с уважением стали оглядывать этого «марала».

У него были длинные ножки с острыми копытцами, тоненькая шея и круглая широкая головка с большими, как лопухи, ушами. Он беспрестанно встряхивал и шевелил ими. Глаза у него были как крупные сливы, лоб широкий, а нос маленький, с раздувающимися ноздрями. Ростом он был с новорождённого жеребёнка. Мягкую, пушистую шкурку его так и тянуло погладить. По обе стороны спины на ней проглядывали белые пятнышки. Хвоста не было вовсе: так, коротенький толстый огрызок и вокруг него белое пятно, словно тут подвесили салфетку.

– Как его зовут, мама?

– Его зовут Мишка, потому что его поймали возле села Михайловки, – опять не вытерпела Соня. – Так назвали его вчера вечером, когда вы уже спали.

Удивительно она любила выгружать свои знания: не успели мы опомниться, как она уже рассказывала нам всё о Мишке так, как будто она сама его поймала и привезла.

А Мишка тем временем выпил молоко, нагнул ведёрко, вытянул последние капли, забавно завертел своим огрызком-хвостом и начал толкать ведро головой.

От сильного толчка ведро выкатилось из сарая. Мишка вышел за ним, опять всунул в него голову и стал вертеться вокруг, возя его по двору.

Он надеялся, что ведро, как мать-олениха, если хорошенько его поддать, возьмёт да и спустит ещё молока.

На крылечко вышла коротышка Наташа. Она только что проснулась и хмуро оглядывала двор.

Там всё ещё гремел ведром Мишка.

Вдруг он взмахнул мордочкой и сразу всеми четырьмя ногами отскочил в сторону. Потом оглянулся вокруг, боком-боком подскочил к Майлику, нагнул перед ним голову и стал выбрыкивать какие-то диковинные прыжки.

Майлик встал, раскрыл глаза от удивления, поглядел на танцора да как рявкнет: «А-рр!..» Мишка так и взвился ракетой. Бросился к маме, спрятался за её спину и, опасливо высунув голову в сторону Майлика, запищал: «Ик-ик-ик!..»

Ноздри у него раздулись, ушки насторожились, а бока так и ходили: он порывисто дышал от испуга.

Наташа залилась басистым хохотом и затопала ногами от восторга:

– Пищит, как кошка!.. А Майлик... Он как даст ему!..

Когда вскипел самовар и мы все пошли в дом, Мишка полез на крыльцо вслед за нами. Пока пили чай, он, стуча копытцами, ходил по комнате и обнюхивал всё, что попадалось ему

на глаза. Совал мордочку в окна, под кровать, обнюхивал стоявшие на лавке кринки. Потом обошёл вторую комнату и наконец, выбрав уютное местечко (как раз на пороге, у всех под ногами), опустился на колени и лёг.

Рядом с ним на полу лежала бумажка. Мишка захватил её губами и, громко шурша, принялся жевать.

Четырёхлетняя Наташа долго и серьёзно смотрела, как он ест бумагу. Потом решительно слезла со стула, взяла краюху хлеба и стала выколупывать мякиш. Соня подтолкнула меня. Юля закрылась газетой, чтобы не показать, как ей смешно.

– Ты чего это? – спросила мама.

– Он голодный же, – мрачно ответила Наташа. – Смотри, бумагу ест.

– Да нет, это он просто так. Мы уже кормили его. Больше он не хочет.

– Нет, хочет! Раз бумажку ест, значит, хочет.

Она под села к Мишке и протянула ему корку. Он прожевал бумагу, а потом взял корку и так жадно захрумкал, как будто в самом деле не ел три дня.

Наташа просияла:

– Смотри, как ест! А ты сказала: не будет.

После чая мы играли за домом на лужайке, а Мишка остался с мамой и целый день ходил за ней хвостиком – то в чулан, то в сарай, то к печке, сложенной в углу двора. А когда мама готовила обед, он смиренно лежал около плиты и шевелил ушами.

Оставаться одному во дворе ему было неприятно, боязно и скучно. Перебегая за мамой двор, Мишка сталкивался с Майликом. Он махал в его сторону головкой и сердито топал ногой – старался показать, что не забыл утренней ссоры.

Майлик на всё выразительно отвечал: «Арр-рр!..»

В полдень Мишка сильно проголодался и всё время вертелся у мамы под ногами, нетерпеливо толкая её головой в живот: давай молока, да и только!

Должно быть, он вообразил, что она – его мать-олениха и поэтому обязана кормить его. Мать, смеясь, отмахивалась от него и поскорее приготавливала ему еду.

Когда она поставила ведро на землю, Мишка уже сам, без пальца, сунул голову в ведро и начал пить.

От жадности он при первых же глотках толкнул ведро и опрокинул его набок.

Всё молоко вылилось.

– Ах ты, идол этакий! – рассердилась мама. – Я для него старалась, а он взял да и перевернул ведро.

Но как ни ворчи, а молоко подавай! А то он опять уже нацелился бодаться. Пришлось налить ему новую порцию.

Первое время Мишка как привязанный ходил за мамой, много ел и спал.

На нас, детей, он не обращал никакого внимания, хотя мы изо всех сил старались ему понравиться.

Правда, он не отказывался принимать у нас из рук яблоки, хлеб и всякую всячину, но всё это с таким презрительным видом, как будто он делал нам большое одолжение.

Так прошло месяца два. За это время Мишка привык ко всем нам и ко всему, что нас окружало. Он уже не так боялся собак и часто гулял далеко от дома.

Белые горошинки на его спине исчезли, и он начал линять. Эти беленькие пятнышки бывают у всех детёнышей оленя и дикой козы только в младенческом возрасте и потом пропадают бесследно. На лбу у него набухали две шишечки – это прорезывались рога.

Мама кормила его очень хорошо, и Мишка стал гладкий, откормленный и быстро рос.

Он выпивал уже больше кринки молока зараз. Мама приходила в отчаяние:

– Что мне с ним делать? Ведь его надо поить трижды в день. Если так будет продолжаться, нам самим не будет хватать молока.

Она стала подбавлять в молоко воды – сначала немножко, потом всё больше и больше, а под конец уже на целое ведро воды наливала две-три кружки молока.

Мишка нисколько не смущался таким надувательством и пил с полным удовольствием. Но вдруг он словно отрезал. Как-то ему налили разбавленного молока. Он фыркнул, перевернул ногой ведро и с тех пор к молоку, даже цельному, не желал ни за что прикасаться.

Младенческий возраст кончился. Мишка перешёл на другую пищу: ел вместе с коровой отруби, а когда лошадям засыпали овёс, он старался к ним присоединиться.

Лошадей он побаивался, и они терпеть не могли, когда Мишка совал нос в кормушку, и часто его кусали.

Зато корову Мишка и в грош не ставил. Бывало, мама поставит ей поило и уйдёт. Сейчас же, откуда ни возьмись, нахально заявляется Мишка, отгоняет корову и ест сам. А несчастная Бурёнка стоит в стороне и грустно на него смотрит.

– Ах ты, негодный такой, ты что тут делаешь?! – крикнет, увидя такой грабёж, кто-нибудь из старших.

Мишка подскочит от внезапного крика, выкинет несколько затейливых прыжков и, перескочив через плетень, унесётся в горы.

Аппетит у Мишки был всегда преотличный. А из лакомств он больше всего любил окурки от папирос.

Он целыми днями расхаживал под окнами кордона и подбирал их.

Кроме бумаги ему, видно, нравилось жевать в них остатки табака.

Силы били в юном олене ключом. Ему постоянно хотелось бегать, прыгать, проказничать.

Для этого он сам выдумывал себе предлоги. Например, ходит-ходит спокойно по двору, вдруг поднимет голову, поведёт ушами и – фррррр-р! – помчится вокруг дома, вылетит на дорогу, бросится вниз к реке и оттуда обратно на гору, перескакивая через камни и сваленные у кордона брёвна и высоко вскидывая в сторону задние ноги.

Однажды мама повесила после стирки во дворе бельё. Мишка моментально явился, выбрал простыню побольше и не спеша принялся жевать один угол. Долго он стоял на месте и жевал, а потом ему пришло в голову отправиться к роще, где мы обычно играли.

Он стащил простыню с верёвки, взмахнул головой, перекинул её себе через спину и, волоча, словно шлейф, один конец по земле, торжественно отправился мимо дома. Хорошо, что его увидели и отняли у него простыню. Но всё-таки она была сильно испорчена: большущий кусок был уже весь в дырочках и разлезался под руками.

Эта манера жевать что ни попадалось на глаза была у него самой неприятной и очень дорого нам обходилась. Занавески на окнах, скатерти, платки – всё носило следы Мишкиного внимания. На лучшем кисейном платье Юли, как раз на самом животе, Мишка выгрыз огромную круглую дыру.

То-то было слёз и огорчений!

Раз как-то отцу понадобился ключик от шкафа.

Посмотрели на крючок, где он всегда висел, – нету. Стали искать. Целый день искали по дому, по двору: пропал ключик, да и всё тут.

Ломать замок было жалко: хороший такой английский замок, и ключ к нему был маленький, на тоненьком ремешке.

– Кто мог взять ключик? Что за безобразия! – сердился отец.

Наконец уже совсем потерял надежду. Тут мама заметила, что у Мишки изо рта торчит что-то вроде тряпочки. Она подошла, взялась за тряпочку и потянула. Вытащила почти четверть аршина. Это был ремешок от ключа. Половину его Мишка уже съел, заодно проглотил и ключ.

– Вот ведь урод!.. Нужно же иметь такой вкус! – возмутился отец.

Все думали, что Мишка заболит от такой неудобоваримой пищи, но Мишка даже ухом не повёл. Ключ, наверно, очень ему понравился, и он продолжал в том же духе.

Однажды смазывали под сараем сбрую дёгтем, и Мишка умудрился стащить даже целый чересседельник.

Отец увидел, что он жуёт длинную белую полосу, и вытащил её у него изо рта. Оказалось, что Мишка забрал в рот ремень длиной около метра, да ещё с железным кольцом посередине.

От долгого жевания чёрный жёсткий ремень раскис, стал мягким, как тряпка, и совершенно белым.

А кольцо ничуть не смущало Мишку.

Прошло лето, осень, зима. Наступила вторая Мишкина весна. Ему минуло уже девять месяцев. Он был выше годовалой тёлки. Сильный, тонконогий и какой-то осанистый. Он любил разгуливать по рощам и обрывать с деревьев молоденькие веточки. Оттого, наверно, он и голову свою носил так высоко, что не привык нагибать её за травой.

У него уже прорезались рога. Вначале они были мягкие, горячие и набухшие. Их, как перспелый персик, покрывал нежный пух.

Когда Мишка становился против солнца, в рогах светилась алая кровь. Эта кровь ценится на вес золота. Её употребляют в лекарство. Маралов разводят в специальных маральниках, и когда рога находятся в этом периоде, их спиливают. Это очень болезненная операция. После неё маралы долго хворают, а иногда и гибнут совсем.

Конечно, у Мишки никто и не думал спиливать рога. К нему все очень привыкли и ни за что никогда не сделали бы ему больно.

Пока рога не затвердели, Мишка был кроткий и ласковый. Часто он подходил к людям и тихонько тёрся головой, прося, чтобы ему погладили рога. Они были горячие и, должно быть, необычайно чувствительные. Стоило только чуть-чуть посильнее провести по ним пальцем, как Мишка вздрагивал и начинал брыкаться.

Мы за это время совсем подружились с Мишкой. Целыми днями мы играли вместе, а когда шли в лес или на гору, он тоже отправлялся с нами.

Это было забавное зрелище: четверо нас – девочек, наши приятели-ребята – казахи из ближнего аула, штук пять-шесть собак и посередине – Мишка. Остаться один он и раньше не любил, а теперь его особенно тянуло к людям.

Один раз Юля чем-то раздражила его, а потом в шутку сделала вид, что испугалась, и побежала. Мишка помчался за ней. Юля, хохоча, вспрыгнула на крыльцо и оттуда показала Мишке язык. В ответ на это Мишка поднял голову и... тоже показал ей язык, да ещё при этом сморщил нос и зашипел: «Фффф!..» Вот тебе и нá! Мы так и ахнули от восторга.

Ну и Мишка, ловко отбрл!

Мы начали поддразнивать Мишку и спасаться потом от него на крыльце. Мишка прекрасно понял игру. Он отбегал от крыльца и ждал: когда к нему приближались с протянутыми руками, он переходил в наступление и гнался до самого крыльца. Мы с визгом взлетали на крыльцо, а Мишка поднимал голову, высовывал как-то на сторону язык и шипел. Это было самое забавное в игре. Да и удирать от оленя на крыльцо тоже всякому лестно.

Так мы играли до тех пор, пока у Мишки не затвердели рога. И вот тут-то нам пришлось пожалеть, что мы научили Мишку гоняться за нами.

Когда рога стали твёрдые, пух, огрубевший и скатавшийся, начал с кожицей клочьями слезать с них. Мишка тёрся рогами о деревья, стараясь поскорее счистить шерстяную корку. Наконец она облезла совершенно. Эти первые Мишкины рога были не очень большие, и на них не было отростков.

На следующий год, когда Мишка сбросил первые рога и появились новые, на них было уже два разветвления. Так бывает у всех маралов: с каждым годом число ветвей увеличивается, и так до тех пор, пока олень не вступит в зрелый возраст.

По числу ветвей охотники приблизительно могут сказать, сколько оленю лет.

Получив блестящие острые рога, Мишка сразу же задрал нос и расхаживал возле дома, высоко подняв свою красивую, гордую голову.

Однажды, проходя по двору, он наступил на миску Майлика и перевернул её.

– Ну да уж конечно, где же нам смотреть под ноги: важный больно стал! – рассердилась Юля.

А Майлик, раздосадованный тем, что остался без еды, оскалил зубы и гавкнул на Мишку. Результат получился совсем неожиданный...

Вместо того чтобы испугаться и отскочить, как это всегда было, Мишка нагнул рога, бросился на Майлика, прижал его к стене сарая и, поднявшись на дыбы, стал колотить копытами.

Майлик взвыл.

На крик Юли сбежались люди и прогнали Мишку.

Собаки после этого случая стали бояться Мишки как огня и мстили ему за все обиды только тогда, когда он весной терял рога.

Как-то раз Наташа получила за обедом кусок арбуза и отправилась во двор угостить арбузной коркой Мишку.

Вдруг со двора раздался визг и рёв.

Все бросились на крик. Посреди двора на четвереньках стояла Наташа и орала что есть силы. Разбойник Мишка барабанил по её спине своими острыми стальными копытцами. И здесь же, в пыли, валялась выбитая из Наташиных рученок арбузная корка.

Майлик сразу забыл весь свой страх перед Мишкой. Он с яростью вцепился сзади в его ногу. За ним и все остальные ринулись спасать Наташу.

Увидев бегущую на помощь Соню, Мишка отскочил в сторону, раскланялся, прыгнул через плетень и умчался на гору.

Когда Наташа утешилась, её начали расспрашивать, как же это так случилось. Оказалось, вышло недоразумение: Мишка просто не понял Наташу.

Мы сами же дразнили в игре Мишку тем, что тыкали ему в физиономию пальцем. Ну и вот, когда Наташа подошла с протянутым куском арбуза, Мишка вообразил, что она тычет в него пальцем, и разобиделся.

– Безобразие какое! Дразнят сами животное, а потом ещё удивляются, что оно дерётся! – недовольно ворчал на нас отец. – Вот погодите, окрепнут у него рога, так задаст он вам жару!

Мишка вернулся поздно вечером. Отец загнал его в конюшню и в наказание запер там на несколько дней. Утром Мишка печально вздыхал, высунув голову из конюшни. Ему очень хотелось побегать, попрыгать... ну, может быть, и подраться с кем-нибудь. А тут – сиди взаперти.

Через два дня он, злой и нетерпеливый, метался взад и вперёд по конюшне.

– Соня, – сказала я, – должно быть, Мишка голодный. Надо его покормить.

– Ничего не голодный, я ему недавно давала овса.

Нет, мне казалось, что Мишку уж чересчур обижают.

«Полезу-ка я на сеновал, сброшу ему в конюшню немножко сена», – решила я.

И полезла. Набрала охапку и стала искать меж брёвен щёлку побольше, чтобы протолкнуть сено вниз, в конюшню.

Ходила, ходила по сеновалу... да вдруг вместе с сеном – в большую дыру, прямо к Мишке!

Ага! Мишка злобно обрадовался. Поднялся на дыбы и такую выбил на моей голове дробь, что чуть не прошиб совсем. Хорошо, что подбежала Соня и стегнула его плетью.

После этого мы надолго прекратили с Мишкой всякую дружбу. А Мишка, выпущенный через несколько дней на свободу, нисколько не исправился, а, наоборот, продолжал ещё хуже безобразничать.

Недалеко от кордона, на поросшей ёлками Мохнатой горе, жил в маленькой лачужке одинокий старик. У него была пасека – несколько ульев с пчёлами. Чтобы пчёлы не улетали далеко за цветочной пылью, он развёл на лужайке перед пасекой целое море полевых цветов.

Мишка во время своих странствований приметил эту лачужку и решил навестить старика.

Однажды, когда дед сидел на скамье в хижине и мирно плёл корзины, внезапно раздался звон разбитого стекла. В окно всунулись сначала Мишкины рога, а потом и вся его морда.

Здравствуйте! Это что за явление?! Старик прошептал какие-то заклинания: «Сгинь, сгинь, нечистая сила!..» Но Мишка только затряс ушами и даже не подумал исчезнуть.

Старик с опаской выглянул из двери и... залюбовался представительной Мишкиной фигурой.

«А я был бы очень похож на святого старца, если бы мне удалось приручить эту нахальную скотину, – подумал он, вспомнив, что Мишка разбил его окно. – Но какой красивый! Прямо как на моих священных картинах!..»

Он вынес кусок хлеба и позвал Мишку:

– Эй ты, тпрусь, тпрусь!

Мишка высвободил свою рогатую голову из окна, подошёл, понюхал хлеб и с удовольствием его съел. Старичок насыпал ему на скамейку ещё и соли.

О-о-о! Это Мишка вполне оценил. Он очень любил соль и принялся с таким аппетитом лизать её, что выпустил целую лужу слюны. Когда он закончил лизать, скамейка была словно только что вымыта – так чисто он её вытер языком.

Первое знакомство состоялось.

Старик был очень доволен и сам на себя умилился: вот, мол, какой я хороший и добрый человек, дикие звери и те чувствуют это, приходят и сразу смиряются и не хотят уходить от меня!

Мишка не спеша осмотрел всё хозяйство, потом улёгся на низкой земляной крыше погреба и заснул. Он всегда выбирал для спанья самые неудобные места.

А умилённый старец вернулся плести свои корзины.

Днём Мишка пропадал в лесу, а ночевать опять вернулся к своему новому приятелю. Так прожили они дней десять. Иногда на несколько часов Мишка заявлялся на кордон и снова уходил.

Дома все так привыкли к тому, что Мишка вечно где-то шатается, что ничуть не беспокоились о нём.

Старик пасечник всё ещё хорошо относился к Мишке, хотя в глубине души, пожалуй, не имел бы уже ничего против, если бы этот «кроткий» олень убрался куда-нибудь подальше.

Дело в том, что Мишка успел уже пожевать у него платок, служивший скатертью, и пальто, съел кожаный пояс, помял цветы и наконец, забравшись за загородку, к ульям, растанцевался там и повалил все ульи. Старик всё терпел, терпел, но постепенно накалялся.

Однажды он отправился в лес собирать на зиму хворост. Так как хижинка стояла в самом лесу, старик, уходя, никогда не запирает дверей. Мишка, конечно, воспользовался этим.

Как только дед скрылся в лесной чаще, он забрался в избушку и принялся там хозяйничать. По стенам избушки были развешаны пёстрые листы бумаги, на которых яркими красками изображались разные сцены из Священного Писания.

Мишка внимательно рассмотрел «Битву святого Георгия Победоносца с крылатым змием». Картина, видимо, ему понравилась. Он захватил губами краешек, дёрнул и откусил всего змея и ноги у Георгия Победоносца. Потом перешёл к «Всемирному потоку» и изжевал

и грешных и праведных людей без разбора. «Изгнание из рая Адама и Евы» он просто сорвал со стены и бросил на пол и уже прицеливался к следующей картине, как вдруг услышал пение возвращающегося хозяина.

Мишка почувствовал, что за жевание его здесь, так же как и дома, не погладят по головке. Он хотел поскорее удрать. Но хижина была такая низенькая и тесная, что ему никак нельзя было в ней повернуться, ведь он был уже величиной почти с лошадь, да ещё с большими рогами. Выйти он мог, только пятясь задом. А сзади, к несчастью, уже подходил хозяин. Он сразу увидел обрывки своих картин и догадался, в чём дело.

– Ах ты, дьявол косматый! Пп-рро-клятая скотина! – с чувством воскликнул рассвирепевший дед.

Он взял здоровую хворостину и изо всей силы отдубасил по спине безбожника оленя. Мишка обиделся и убежал.

Через несколько дней он снова разгуливал вокруг хижины. Старик не видел его и спокойно работал на пасеке. Когда Мишка заметил, что дед наклонился над ульем, он тихонько подошёл сзади, поднялся на дыбы и в свою очередь отколотил старика по спине.

Ну, тут уж, знаете, самое святое терпение и то лопнет!

Старик трижды проклял это «гнусное творение» и стал упорно прогонять от себя оленя.

Время шло. Начались заморозки. Листья уже облетели, приближалась зима.

С наступлением холодов жизнь у кордона как-то замерла. Люди заперлись в комнатах. Около нашего домика иной раз по целым дням не показывалось ни одного человека.

Вскоре выпал первый снег.

Мишка радостно встретил это событие. Он долго танцевал в снегу – должно быть, купался. Нагибал ветки деревьев, стряхивая на себя тучи снега, раскидывал его ногами и наконец, разгорячившись после такой работы, схватывал снег губами и ел его.

Только теперь все заметили, какая густая шуба отросла у него к зиме. Особенно длинной и пушистой она была на шее и на загривке, как будто на Мишке был надет красивый тёплый воротник. Длинная бахрома шла от передних ног по низу живота, а ноги остались такими же тонкими и гладкими, без всякой опушки, как были и летом.

Этим марал отличается от северного оленя.

У того ноги гораздо короче, толще и у самых копыт опушены мехом. Благодаря этим мохнатым ногам северный олень ступает по снегу так, как будто он обут в тёплые меховые валенки. Марал же и зимой ходит словно на высоких каблучках.

Всю зиму Мишка прожил без особенных приключений дома. Правда, он частенько разгуливал по лесу и в горах или спускался по дороге вниз, к расположенным там опустевшим дачам. Но к вечеру он всегда лежал дома, на своём месте. Спал он на крыше кузницы, устроенной под навесом горы.

Бывали случаи, что Мишка, отправившись к деревне, стрелой прилетал оттуда, преследуемый десятком собак-гончаков.

С воем и лаем неслись эти азартные охотничьи души за оленем. А он летел впереди, высоко закинув голову и раздувая ноздри.

Обежав несколько раз вокруг дома, Мишка останавливался у крыльца, нагибал рога и смело бросался в битву. Вся свора с визгом отступала, а наиболее храбрых и упорных Мишка бил ногами и рогами.

Когда повеяло теплом и снег стал таять, Мишка начал сильно тосковать и надолго уходил в лес.

В начале февраля он опять линял. Красивая серо-бурая шуба слезла с него клочьями. У него снова упали рога, и морда сразу приняла какое-то кроткое и растерянное выражение.

Потекли ручейки. На солнцепёке расцветали подснежники, фиалки. А потом зазеленели поля и деревья, и мы снова вылезли наружу. В горах стали раздаваться наши громкие песни и ауканье. Опять начались весёлые прогулки.

Мишка нервничал, худел и был очень мрачен.

К началу лета рога у него опять набухли. Бедный Мишка невыносимо страдал от мух и слепней, которые тучей слетались сосать из них кровь. С искусанными, окровавленными рогами он забивался в тёмный угол сарая и оставался там целыми днями.

Только к вечеру он выходил и отправлялся в рощу объедать листья и молоденькие ветки.

Мама очень жалела Мишку. Она пробовала смазывать ему рога каким-то составом, чтобы мухи не садились на них, но этот едкий состав только сильно жёг нежные Мишкины панты (так называются молодые рога оленя).

Чтобы утешить Мишку, мама часто угощала его всякими вкусными вещами. И Мишка, должно быть в благодарность за это, любил её больше всех. Он беспрекословно слушался её, ходил за ней, как собака, очень любил лежать около её ног, когда она садилась вязать или шить что-нибудь на крылечке.

Часто он клал ей на плечо свою грустную мордочку и стоял с закрытыми глазами, ощущая ласковое поглаживание хозяйкиной руки. Если Мишке случалось провиниться, у него не было более горячего защитника, чем мама.

В последнее время она стала очень беспокоиться, как бы кто-нибудь из охотников, посещавших окрестности, не убил Мишку, приняв его за дикого оленя.

Она сделала ему кожаный ошейник и прикрепила к нему два больших ярких банта из кумача и синей китайки.

Но, несмотря на то что эти банты издали бросались в глаза, они не спасли Мишку от беды. Вот как это случилось.

В двух километрах от кордона, вверх по ущелью, поселился какой-то столичный, как говорили, охотник-натуралист. Он разбил себе палатку и зажил на лоне природы.

Целыми днями он разгуливал по горам с фотографическим аппаратом и собирал по дороге какие-то камешки и травки.

Вечером он возвращался в палатку, варил себе ужин, долго рассматривал свои находки и укладывал их по коробкам.

Мишка набрёл на палатку, когда хозяина не было дома. Он пробовал бодать её, становился перед ней на дыбы, подбирал и ел бумагу и окурки, валявшиеся около неё, и решил, что палатка ничего, хорошая, и поэтому стоит приходить к ней почаще.

На следующий день, под вечер, Мишка вышел из тёмного сарая и отправился к палатке. Двери палатки были откинута. Мишка доверчиво всунул туда, в палатку, любопытный нос.

На его несчастье, натуралист оказался дома.

Батюшки! «Храбрый охотник» с испугу не разглядел бантов на шее у Мишки и не сообразил, что дикий олень никогда не подойдёт так близко к человеку, схватил ружьё и выстрелил почти в упор.

Мишка покатился замертво.

Проезжавший мимо лесник услышал выстрел и бросился на помощь. Он увидел, что Мишка бьётся в судорогах, а столичный трус стоит над ним и с растерянным видом разглядывает банты у него на ошейнике.

Лесник помчался к отцу.

– Бегите скорей! Беда! Вашего Мишку убили! – закричал он, влетая во двор.

Отец оторвал повод привязанного к столбу Гнедка, схватил ружьё и, не помня себя от возмущения, бросился к месту происшествия.

Мама испугалась, что он в сердцах наделает беды, и побежала вслед за ним.

Она подросла как раз к тому времени, когда натуралист уже выслушал от отца самое откровенное мнение о своих умственных способностях и, весь красный от стыда, лепетал какие-то извинения.

– И где только у этих горожан мозги помещаются?! Да разве дикий олень когда-нибудь сунет голову прямо в палатку? Эх вы, «натуралисты»!..

По счастью, натуралист был таким замечательным стрелком, что, даже стреляя в упор, не попал Мишке в лоб, а прострелил насквозь рог и отбил отросток, который висел теперь на кусочке кожи.

Отец высоко засучил рукава и принялся за операцию.

Натуралист принёс свою походную аптечку, сам сбегал за водой для Мишки и вообще всячески старался загладить свой поступок.

Мишке отпилили часть рога. Он страшно кричал. Кровь била такой сильной струёй, что забрызгала дерево, растущее в четырёх шагах.

Наконец всё было сделано. Рану залили лекарством. Мишка в полном изнеможении опустил голову и, казалось, потерял сознание. Всю ночь он пролежал на том же месте под навесом из парусины и жалобно стонал.

На другой день он смог уже встать и с помощью отца добрался до дому.

Рога в том году были у него неровные: один – как следует, а другой – коротенький и простреленный насквозь. Мы думали, что у него так и будут всегда неодинаковые рога, но ошиблись.

Следующей весной Мишка сбросил изуродованные рога, и у него к июлю выросли новые, прекрасные, тяжёлые и ветвистые.

Мишке шёл уже пятый год.

Этим летом Мишка особенно отличился. Как только в садах, окружавших дачи, созрели фрукты, он по целым неделям стал там пропадать.

Он спускался далеко по дороге к городу и, облюбовав местечко, перепрыгивал через забор, захватывал губами ветку, тряс её. Яблоки градом сыпались на землю.

А Мишка, подобрав всего две-три штуки, принимался за новое дерево. Он не столько съедал, сколько портил.

Увидев поутру массу ещё незрелых фруктов, которые валялись под деревьями и были совершенно побиты и испорчены, садовники приходили в бешенство. Они узнали, что марал принадлежит нам, и стали являться к нам с жалобами.

– Что же я могу с ним поделывать? – беспомощно говорил отец. – Гоните вы его от себя сами!

Он пробовал запирать Мишку за загородку и строго наказывал его, но Мишка был свободолюбивым животным, и неволя его только озлобляла.

Мы каждую минуту ждали новых известий с «театра военных действий», как в шутку называл сады отец.

И действительно, известия о Мишкиных подвигах не замедляли получаться: вчера он отколотил ребят каких-то новосёлов, сегодня утащил и пожевал чьё-то платье, третьего дня, танцуя где-то на земляной крыше погреба, провалил её и, обрушившись в погреб, перебил все кринки с молоком.

– Ну и фрукт! Ведь это же форменный разбойник! – сокрушались отец и мама.

Наконец, жестоко выдранный кем-то, Мишка присмирел и стал держаться ближе к дому. Мы вздохнули свободнее, но ненадолго.

Однажды Мишка заявился домой и принёс на рогах огромный хомут со шлём. Он, наверно, увидел его у распряжённого веза и принялся бодать. Просунул рога, а вытащить обратно не смог и, испугавшись, примчался вместе с ним.

Когда он влетел домой с таким украшением на голове, поднялся дружный хохот. Хомут сняли. Сделали о нём объявление, но хозяин почему-то не являлся за ним. Так этот хомут и остался у нас и впоследствии пригодился в хозяйстве. Называли его дома «Мишкин хомут». Такое же происшествие случилось несколько недель спустя. На этот раз Мишка вновь посетил старика пасечника и унёс на рогах его шубу.

Мы работали около дома и вдруг увидели такую картину: по дороге к кордону важно выступает Мишка, неся на высоко поднятой голове тяжёлый меховой тулуп, а сбоку рысью бежит дед и громко изрыгает проклятия по Мишкиному адресу.

Мишку загнали во двор, отобрали у него шубу и отдали её хозяину. Он с ненавистью посмотрел на Мишку и ушёл, выразив ему горячее пожелание поскорее сдохнуть. Но Мишка и не подумал сдыхать.

Мы росли бок о бок с Мишкой и постепенно перестали его бояться. Когда он терял рога и становился беспомощным, мы жалели его, баловали и незаметно привыкали чувствовать себя его покровителями. Поэтому, когда рога появлялись снова и Мишка пробовал показать нам свою силу, мы, вместо того чтобы удирать, хлопали его по гладкому крупу и прикрикивали:

– Но, н-но, дурень! Не зазнавайся!

Зато чужие боялись его и моментально обращались в бегство. Их Мишка всегда догонял и лупил в полное своё удовольствие.

Однажды в горы приехала гулять большая компания городских нарядных барышень и кавалеров. Они разбрелись по лесу.

Одна парочка уселась, весело болтая, под елью. Вдруг барышня оглянулась и увидела идущего на них Мишку.

– Ай, ай, убьёт! Ой, подходит уже! Ой, что делать?

С отчаянным визгом барышня подбежала к развесистому дереву, ухватилась за нижнюю ветку и повисла на ней, как большая груша.

Кавалер решил защищать себя и свою барышню. Он махнул фуражкой, думая, что тот испугается и уйдёт.

Мишка поднял голову, высунул язык и зашипел.

Храбрый молодой человек швырнул в него еловой шишкой. Но, когда олень шагнул вперёд, он вдруг повернулся и во весь опор помчался вниз с горы.

Тогда Мишка обратил внимание на девушку.

Несчастливая, видя, как резво умчался её защитник, со страху выпустила из рук ветку и свалилась прямо к Мишкиным ногам.

Он исполнил вокруг неё один из самых замысловатых своих танцев и собирался в заключение её поколотить, когда на помощь подоспела Соня и прогнала его.

Такие приключения часто случались с Мишкой в течение лета. В промежутки между ними Мишка забавлялся тем, что дрался с собаками, носился по горам или купался в реке. Купался он так: станет посередине реки и начинает разгребать передними ногами воду, поднимая фонтаны брызг.

Мы, играя, любили прятаться с ведёрком на крыльце и, когда Мишка проходил мимо, внезапно окатывали его водой.

Эх и отплясывал же тогда Мишка!

Ему было уже шесть лет, когда он вдруг ушёл из дому и пропал целых два месяца. Мама очень горевала. Она решила, что кто-нибудь застрелил Мишку.

Ничуть не бывало. Однажды, возвращаясь домой с объезда, отец увидел столпившихся вокруг чего-то коров. Они стояли тесно друг к дружке, как замороженные глядели в круг и изредка удивлённо мычали.

В кругу отплясывал Мишка. Он, видно, был очень доволен, что коровы так на него загляделись, и разошёлся вовсю. Он вертелся, наклонял рога, приседал, взвивался на дыбы, отскакивал и раскланивался на все стороны.

– Ах ты, шут гороховый! – расхохотался отец, обрадованный тем, что видит Мишку не только живым и здоровым, но ещё в таком весёлом настроении.

Услышав голос, Мишка вздрогнул, перескочил через коров и убежал на кордон. Несколько дней он был особенно ласковым и милым, и мама не могла на него нарадоваться. Как раз в это время отец узнал, что в окрестностях появилось несколько диких маралов. Он рассказал об этом маме и предупредил её, что теперь Мишка, наверно, уйдёт.

Нет, мама не верила ему. Ну, пойдёт погуляет и вернётся опять. Но Мишка всё-таки ушёл. Навсегда ушёл за перевал. Он вступил в возраст, когда олень дерётся хотя бы с целым светом, ища себе подругу. Мишка был могучий и выхоленный марал, и мы утешались тем, что он победит всех своих соперников. Он будет самым главным среди всех маралов.

Прощай, Мишка, будь здоров!

Ишка и Милка

Мы с сестрой вернулись из школы. В доме никого не было: все ушли на огород. Мы побежали туда, держа наготове полученные награды.

– Ну, молодцы! – похвалила нас мама. – Подумайте, с первой наградой! За такие успехи действительно следует нам с папой подарить вам что-нибудь! А?.. Отец, что ты скажешь об этом?

Соня незаметно толкнула меня в бок:

– Скажи сейчас про...

Я кашлянула от волнения и выпалила:

– Никаких подарков нам не надо!

– Это почему же?

– То есть не то что не надо, а дайте нам по рублю. Мы теперь всё время будем переходить с наградами. Мы копим – ишака хотим покупать.

– Когда же вы начали?.. И много вы уже накопили?

– Зимой начали, и уже руп пыдесят пять, – с важностью доложила Наташа. Её, аккуратную и рассудительную, хотя ей было только пять лет, мы выбрали своим казначеем. – Полных руп пыдесят пять. Хоть сейчас могу показать.

– А ты разве тоже участвуешь? Ведь ты не в школе, ты на завтрак не получаешь.

– Моих пытнадцат, которые я нашла около ворот.

Отец воткнул лопату в грядку, выпрямился и начал искать в карманах.

– Вижу, что дело у вас солидно поставлено. Я хочу тоже внести свою долю. Принимайте меня в компанию. Тогда вот вам ещё пять рублей – это мой пай. Забирайте ваши сбережения и айда на базар!

– Ка-а-ак? Уже сейчас, сегодня?!

Через полчаса мы дружно шлёпали босыми ногами по мягкой горячей пыли, направляясь к скотному базару.

Впереди шла Соня. Она держала в руке деньги и напрягала всё внимание, чтобы не уронить и не потерять их как-нибудь.

Я шла рядом и не спускала глаз с её руки. Сзади, весело болтая и смеясь, попевали рысцей младшие сестрёнки – Юля и Наташа.

Иногда нас вдруг охватывало страшное сомнение. Тогда мы останавливались посреди дороги, Соня разжимала потный кулак, и мы все ещё раз убеждались, что эта смятая, мокрая бумажка действительно пять рублей, что она цела и что сегодня у нас будет настоящий, живой ишак.

Базар был очень далеко – нам пришлось пройти через весь город.

По дороге попадались и прохладные, тенистые улицы, и раскалённые от солнца площади. Пыль на них была такой горячей, что по ней было больно ступать. Перебежав такую площадь, мы усаживались над арыком² и полоскали в воде обожжённые ступни.

Базар помещался на одной из таких площадей. Издали мы услышали разноголосый рёв скотины, хлопанье бичей, выкрики и понукание погонщиков. Вся площадь двигалась от снующих взад и вперёд лошадей, коров и баранов.

Мы потерялись в этом шуме, сбились в кучку и стояли, не решаясь двинуться с места.

– Смотрите, наш Петька соседский тоже здесь... Пе-е-еть-ка!.. Петька-а! Петьку-у!

– Ну, чего галдите? Что это вся ваша компания сюда притащилась? – спросил Петька, подходя и надвигая для фасона фуражку с затылка на самые глаза.

² Арык – оросительный канал, ручеёк.

Он прекрасно знал, зачем мы пошли на базар: от самого дома он бежал потихоньку за нами, а теперь притворился, что ему ничего не известно.

– Чего?! Ишака покупать? Это вы-то?.. Нет, брат, тут надо человека понимающего. А то живо обжулят.

– А ты, Петя? Ты ведь понимаешь в ишаках?

Петя этого только и ждал:

– И то, помочь разве вам? Тоже, главное, пошли и мне не сказались! Да тут вас одних враз ободрали бы! Ишака бы вам подсунули какого-нибудь больного.

Услыхав о таких страхах, мы сразу присмирели:

– Вот хорошо, Петя, что ты подоспел вовремя! Как это ты замечательно кстати всегда попадаешься, правда...

И мы все вместе принялись бродить по базару.

– Ишак продаётся?

– Продаётся.

– Сколько?

– Десять рублей.

– Отдавай за три.

– Пошёл вон, дурак!

Петька торговался бойко, и по его адресу то и дело раздавалась ругань.

– Петька, вон ещё смотри – чёрный большой ишак. Вот бы нам такого!

– За сколько продаёшь?

– Семь рублей.

– А вы за шесть с половиной...

Петька разозлился и закричал на Соню:

– Если ты будешь вылезать, я уйду совсем! Делай тогда сама как хочешь!

Соня прикусила язык, и он снова обратился к хозяину:

– Красная цена твоему ишаку четыре рубля.

– Ну ладно, бери.

Соня с готовностью раскрыла кулак.

– Постой! Да подожди же ты, Сонька! Успеешь высунуться со своими деньгами. Нужно его ещё попробовать. Может, он и копейки не стоит.

– И это верно. Ну, садись на него, Петя, посмотрим, хорошо ли он бегаёт.

Мы расселись поодаль на земле, а Петька взгромоздился на ишака, чтобы проскакать перед нами. Но ишак оказался хромой.

Опять начались наши скитания по базару. Мне приглянулся маленький серенький ишачок. Он грустно стоял в стороне под огромными вязанками хвороста. Вязанки были прикреплены к бокам ишачка и, поднимаясь от земли, совершенно закрывали его. Стоит целая копна хвороста, а из-под неё выглядывает серенькая головка с большими умными глазами и мягкими, бархатными ушками.

– Смотрите, вон какой славный! – заметила Юля.

– Скромненький такой, стоит себе опустив хвост! – сразу восхитилась ишачком Наташа.

– Ну, такого-то, наверно, не станут продавать.

– А может быть, продадут. Давай спросим.

Спросили. И вдруг оказалось, что ишачок продаётся.

– А за сколько?

– За восемь рублей отдам.

Тут пять разных голосов принялись наперебой упрашивать хозяина, чтобы он уступил. Уж как мы его уговаривали, как упрашивали! Петька раз десять хлопал его по корявой ладони. Наташа ласково заглядывала ему в глаза, а Соня всё твердила:

– Шесть с половиной, а? Ладно, а?

И вот с ишака осторожно сняли тяжёлые вязанки, и нам был торжественно вручён конец верёвочного недоуздка.

Дорога домой нам показалась гораздо короче. Мы все разом громко говорили и смеялись безо всякого повода.

– Привели, привели! – закричала Соня, забегающая и распахивая ворота.

Петька шёл впереди. Я и Юля вели ишака под уздцы, а Наташа сидела на нём верхом.

Наша покупка всем очень понравилась. Оказалось, что мы купили не ишака, а ишачиху.

– А это ещё лучше. В хозяйстве Ишка – самое хорошее. И сколько маленьких ишачков будет у нас от неё!

Ишка была очень молоденькая, чуть, может, постарше года. И совсем маленькая – с годовалого телёнка, только подлиннее.

Казахстанские ишачки вообще маленькие – не выше метра от земли.

Ишка стояла перед крыльцом и аппетитно хрустела чёрствыми коржиками, которые с Рождества приберегала для неё Наташа. А мы все разглядывали и прихорашивали её.

Она была серенькая, как мышь. На хвосте – пушистая кисточка. От хвоста до самых ушей вдоль всей спины шла яркая чёрная полоса и перекрещивалась с другой такой же полосой на плечах. Коротенькая курчавая стоячая гривка и длинные подвижные ушки были тоже тёмные. А низ живота, мягкий, атласный, и нос и губы были белого цвета.

Мы поковыряли у неё из хвоста и гривы комья репьев и расчесали шерсть щёткой и скребницей.

Ишка принарядилась и стала ещё милее. На лбу у неё росла до самых глаз густая шёрстка. Ишка выглядывала из-под неё как будто исподлобья.

Мы отвели её в сад, выбрали местечко с самой лучшей травой и пустили её пастись.

Ишка пощипала немножко травку, оглянулась на нас и, закачав в такт головой, решительно отправилась на задворки. Это было очень непривлекательное место. Там находилась мусорная яма, росла высокая крапива, полынь и колючка-чертополох.

Мы в недоумении шли за Ишкой. Что ей могло здесь понравиться? А она сорвала большущий лист чертополоха и принялась его жевать.

– Отберите скорей! – испугалась Наташа. – Ах ты, несчастная Ишка! Заколют её теперь изнутри эти колючки!..

Мы бросились отнимать. Но Ишка рассердилась, прижала уши к затылку и мотнула головой в нашу сторону.

– Подождите! – Соня побежала к отцу узнать, что это с Ишкой. Уж не хочет ли она отравиться колючкой?

Вернувшись, она растолкала всех и сказала:

– Оставьте животное поступать так, как оно хочет. Оно никогда не съест того, что ему вредно. Ишаки живут в жарких странах, где солнце выжигает траву, а колючки этой там видимо-невидимо. И она вовсе не такая плохая: она сочная и вкусная. Об иголках тоже не беспокойтесь: Ишка не уколется.

Соня объяснила всё это так важно и умно, точно знала сама. С нами было много соседских ребят, и все слушали её раскрыв рты.

Мне стало невтерпёж:

– Форсунья ты, Сонька! Главное, ведь ты сама только что обо всём этом узнала, а тоже... И про жаркие страны... Какая же у нас жаркая страна?

Но тут – верно, от досады – мне сделалось так жарко, что вспотели даже волосы. Над мусорной ямой гудели шмели и мухи. Ишка поднимала облака пыли, катаясь на куче золы.

А Соня даже не повернула головы на моё ворчанье и продолжала очень научно и без запинки рассказывать про ишаков.

К вечеру мы устроили маленький загончик из досок, поставили вместо кормушки плетёную корзину, подстлали соломы и загнали туда Ишку. Новое помещение ей не понравилось. Ночью, когда все уже спали, она подлезла под одну из досок, побряхтела и вылезла во двор.

У сарая жевали клевер и громко фыркали лошади; посреди двора стояла корова; там и тут спали, свернувшись калачиком, собаки.

Ишка стала обходить их и расталкивать носом. Собаки сонно ворчали, но Ишка не унижалась до тех пор, пока не поднимала их на ноги. Они вскакивали и раздражённо рывкали прямо ей в нос. Тогда она прижимала уши и махала на них оскаленной мордой: нно-но, мол, вы меня ещё не знаете, держитесь-ка лучше в границах!..

Потом Ишка обратила своё внимание на корову. Подошла к ней сзади и укусила за ляжку. Корова дёрнула ногой и повернула к ней рога. Тут уж Ишка показала себя подлинно страшным зверем: она вся как-то подобралась, оскалилась и так принялась колотить бедную толстую копытами и кусать её, что корова беспомощно закрутила головой и ударилась в бегство. Ишка – за ней.

После этого стоило только Ишке хвостом мотнуть, как корова срывалась с места и бросалась наутёк.

Ишка этого только и добивалась. Ведь у неё, в сущности, не было никакого оружия для борьбы: ни клыков, ни когтей, ни рогов, а удары её маленьких копыт были совсем не страшные. И если бы не её смелость и настойчивость, всякий мог бы её обидеть. А между тем мы видели, что Ишка держалась очень независимо. И все животные относились к ней с уважением, а некоторые даже боялись её.

Это потому, что хитрая Ишка умела скорчить такую страшную мину и так стремительно бросалась на врага, что перед её натиском невольно отступали. Думали, верно, как в басне Крылова:

Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!

Первую неделю на Ишке не ездили. Мы приучали её к себе. Ласкали, кормили сахаром и хлебом. Ишка вскоре научилась различать нас и заметно выделила в свои любимицы Юлю и Наташу.

Они целыми днями возились с ней: то стригут ей хвост, то расчёсывают гриву, то чистят копыта.

Раз мы с Соней купали лошадь. Привязали её к коновязи и обливали водой из арыка. Лошади очень нравилось купание. Правда, она косилась на ведро, когда мы размахивались, чтобы окатить её получше, но потом, когда вода струйками скатывалась по её крупу, она радостно фыркала, приплясывала на месте и разгребала ногами воображаемую воду.

Мы уже заканчивали купать – вдруг смотрим: Юля и Наташа тоже тянут свою Ишку. Привязали и давай купать.

Ишке это очень не понравилось. Она вырывалась и каждый раз, когда её окатывали водой, презабавно лягалась.

Мокрая, она походила на ощипанного цыплёнка: шея тонкая, голова большая, лохматая, а ноги прямо как спички. И живот арбузом...

Когда Юля подносила к ней тазик, она начинала вертеться, и вода пролетала мимо.

– Наташа, подведи-ка её сюда и держи. Я буду поливать прямо из арыка! –скомандовала Юля.

Она перешагнула одной ногой и, стоя над арыком, зачерпнула полный таз.

Наташа одной рукой (в другой у неё была булка) отвязала Ишку и подвела к берегу.

Юля с ног до головы окатила Ишку и опять зачерпнула. Ишка пришла в ярость и вдруг как кинется к ней! Юля вскрикнула, уронила тазик в воду, поскользнулась и... шлёпнулась в него.

Тазик вместе с Юлей поплыл по течению. Мы захохотали так, что лошадь шарахнулась. Наташа поперхнулась, а Ишка выхватила у неё булку и улепетнула в сарай.

Не переставая хохотать, мы бросились на помощь. Наташу начали колотить по спине, чтобы вытряхнуть застрявшую в горле булку, а Юлю, уплывшую в тазике, выловили внизу соседские ребята. Она промокла до нитки и зашибла коленку. Но, когда она выбралась из воды, первые её слова были:

– А Ишка где же? Эх вы, недотёпы!..

Ишка была на своей любимой куче золы. Она разгребла её копытом, улеглась и давай кататься – только ноги замелькали. Потом поднялась и стала отряхиваться.

– Наверно, жизнь в жарких странах не приучает ишаков купаться, – задумчиво заметила Соня.

Из ремешков и толстого войлока мы сами сшили для Ишки уздечку и седло.

Когда всё было готово, мы надели на Ишку уздечку, оседлали её и стали проезжать.

Бегала она очень хорошо. У неё была маленькая, «собачья» иноходь и очень лёгкий, быстрый галоп. Но, когда она была не в духе или ей не нравился всадник, она изобретала какую-то дробную, невозможно тряскую рысь. Эту рысь мы называли «трюх-брюх».

Очень скоро седло и уздечку мы аккуратно повесили на гвоздик в сарае и никогда больше уже не снимали, а ездили на Ишке без узды и без седла. Правили при помощи палочки, а то и просто рукой. Похлопаешь её по правой щеке или по правой стороне шеи – она заворачивает налево; по левой – направо. Если надо было остановиться, тянули за шерсть между ушами, и она останавливалась. Если же её тянули за шерсть по бокам у крупа, это значило – «вперёд, и поскорее». В таких случаях Ишка с места брала галопом.

Юля и Наташа прекрасно управляли Ишкой и очень любили ездить на ней. Мне и Соне это удавалось хуже. Нас Ишка не больно-то слушалась, брыкалась и возила всегда «трюх-брюхом», так что все кишки в животе перебалтывались.

Как-то меня послали разыскивать пропавших индюшат.

– Ты неправильно садишься, – сказала Юля. – Надо садиться подальше от шеи. Вот сюда. – И она хлопнула Ишку по крупу.

Я уселась, как она показала, на самый хвост и поехала. Палочка у меня была короткая и не доставала – Ишка и отправилась куда глаза глядят, да ещё, как нарочно, полным галопом.

Во время езды я передвинулась поближе к шее. Тут Ишка вдруг на полном ходу – стоп! – и подогнула голову. Я так с размаху и кувырнулась вперёд.

Ишка мигом повернула домой и поскакала посередине улицы. Голову она гордо закинула кверху и, как руль, поворачивала её то направо, то налево. И при этом победоносно трубила: «И-аа, и-аа, и-а-а-а!», точно в самом деле сделала очень похвальное дело.

А Соня и совсем не любила ездить на Ишке.

– Где у этого животного седловина? – говорила она с сомнением, разглядывая совершенно прямую Ишкину спину. – У лошади, по крайней мере, знаешь, что надо сидеть в седловине. А тут – сиди где-то на хвосте.

А Юля и Наташа не задавались такими научными вопросами. Целыми днями они скакали на Ишке то одна, то другая, а то усаживались обе сразу и в «третий класс» сажали ещё кого-нибудь из соседских ребят.

Ишка так привыкла к их обществу, что ходила за ними, как собака. Это было очень удобно – иметь всегда под рукой готовое средство передвижения.

Как-то мы подметали двор. Я отошла к Соне, а моя метла осталась около ворот, шагах в тридцати.

Наташа стояла рядом со мной. Она очень серьёзно села на Ишку, поехала и привезла мне метлу.

Мама очень над этим смеялась:

– Этак вы, детки, совсем разучитесь ходить на собственных ногах.

С Ишкой многое у нас изменилось.

Раньше, например, если нужно было кого-нибудь из нас послать в лавочку или на базар, никого поблизости не оказывалось. Приходилось долго кричать, звать, а потом мама начинала просить:

– Юленька, ведь ты меня любишь...

– Ну, это ещё неизвестно, – недовольно прерывала мать любящая дочка. – Только не на базар, пожалуйста. А в лавку сбегая, если дашь на конфету.

Теперь же было совсем не то.

– Мама, тебе не нужно ли съездить на базар?.. Мама, давай я съезжу в лавку, – предлагали девочки по несколько раз в день.

Если Юле давалось поручение съездить на базар за сахаром и нитками, Наташа провожала её до ворот и говорила:

– Ну, смотри же...

Потом через весь город скакала маленькая серая фигурка Ишки и мелькала красная Юлина шапочка.

Вернувшись, она отдавала покупки, и оказывалось, что нитки она забыла купить. В таких случаях Наташа была под рукой и уже почему-то в головном уборе.

И снова можно было видеть бойко скачущего вдоль улицы ишачка и подпрыгивающую красненькую шапочку.

С появлением Ишки наши игры стали куда интереснее. Теперь, если приходилось изображать, скажем, Индию, Ишку сейчас же разукрашивали перьями, яркими тряпочками, обрезками блестящей бумаги, покрывали ковром, на спину ей клали подушку и на подушку садилась Наташа.

Ишка была слон, а Наташа – раджа.

Если надо было удирать из плена, можно было сделать это по-настоящему – верхом на Ишке.

А путешествия! Ведь раньше это был просто смех один, а не путешествия: все верхом на палочках и воображают, что путешествуют. А теперь картина была очень внушительная: на Ишку нагружали палатку, съестные припасы и горшок для варки картофеля.

Впереди шёл предводитель отряда, сзади тянулся обоз (Ишка ведь была обоз), а дальше – все остальные путешественники.

Так мы ходили в горы за яблоками и за грибами, и ещё много было таких экскурсий.

Потом мы устраивали бега. Соня или я садились на старика иноходца и вызывали Ишку на состязание. Расстояние брали небольшое – ну, так примерно квартала два. Мы жили за городом, и за нашим садом сразу начинался выгон. На этом выгоне мы и гонялись.

Нередко случалось, что Ишка прибегала первой. Но и здесь она брала больше хитростью.

Выстроятся они рядом – иноходец и Ишка.

– Рра-аз! Два! Три!

Иноходец бежит прямо, а Ишка плотно подожмёт свой хвостик, завертит кисточкой и так и норовит юркнуть иноходцу под морду. Если только ей удавалось занять позицию перед мордой лошади, победа оставалась за ней. Она не давала дороги. Старик иноходец невольно замедлял ход и старался хоть куснуть назойливое существо, задорно скакавшее впереди.

За сараем, среди разной рухляди и обломков, мы откопали как-то переднюю ось маленькой тележки. Два передних колеса и оглобли были в полной исправности. В разных местах мы отыскивали всё остальное и с помощью старших смастерили себе маленькую арбу.

Ишка очень удивилась, когда её запрягли. Она всё оглядывалась на тележку, но не брыкалась и не протестовала. Единственное, что ей очень не нравилось, – это зачем на неё надевают уздечку и вожжи. Она сразу глупела, становилась злой и упрямой и совершенно не слушалась вожжей. Если тянули за правую вожжу, она дёргала головой, поворачивала налево. Пришлось и в упряжи ездить без узды, с длинным прутом, которого Ишка прекрасно слушалась.

Как-то нас послали на базар за покупками. Мы решили ехать на Ишке. Заложили арбу. Юля уселась верхом править, а мы с Наташей забрались на арбу. По-ехали. Дорога шла всё под горку – Ишке было легко. Колёса тележки вертелись очень быстро. А пыль за нами поднималась прямо как от настоящей телеги.

Приехали на базар, стали ездить по рядам – покупать арбуз и дыни. Присмотрели один здоровый арбузище и заспорили с хозяином о цене. Во время спора об Ишке совсем как-то позабыли. Только вдруг я вижу – она засунула голову в корзину продавца и уписывает его виноград. Я подтолкнула Юлю. Она как ахнет да как стегнёт Ишку кнутом!

Ишка рванулась и сшибла с ног Наташу. А у неё в руках был арбуз. Он брякнулся на землю – и вдребезги...

Тут набежали продавцы:

– Платите за арбуз! Платите за виноград!

Требуют чуть не все деньги, которые нам дали для покупок. Мы говорим:

– Ведь арбуз же нечаянно...

А они:

– Нет, чайно. Платите, и всё.

Что тут будешь делать? Пришлось заплатить.

Домой мы ехали печальные, присмирившие. Главное, боялись, что не будут больше посылать на базар. А тут Ишка ещё кривляется, делает вид, что ей так тяжело везти – ну просто надрывается. Налегла в хомут, голову нагнула чуть не до земли и уши как-то особенно вывернула и стрелочками поставила на макушке. Это у неё был знак, что ей трудно. Я встала с тележки и пошла пешком, а Ишка всё уши выворачивает.

Тогда мы решили её надуть. Незаметно слезли с тележки все. А она всё равно показывает, что ей тяжело.

Тут уж мы рассердились:

– Будет врать-то! Пустую арбу везти трудно? Сколько из-за тебя ещё неприятностей будет дома... Айда, садитесь все, пусть потрудится!

Мы сели. Ишка окончательно стала.

– Что такое? Неужели она вправду не может нас везти?

Подошли к Ишкиной морде и видим: Ишка смотрит на землю, а у неё около копыта что-то блестит. Нагнулись – золотой пятирублёвик.

– Вот так Ишка!

Мы купили всё, что надо, угостили на радостях Ишку и поехали домой. Теперь она бежала прекрасно, а мы всю дорогу пели песни.

Зимой на Ишке ездили в санях. Потом пришла весна, и была такая грязь, что нельзя было ездить ни в санях, ни в тележке, ни верхом: грязь доходила Ишке до колен.

Месяца два Ишка была совсем без дела. Но она не скучала. Недалеко от нас, на кирпичном заводе, было много ишаков. Ишка свела с ними знакомство и каждый день уходила к ним в гости.

Как только подсохли дорожки, мы опять начали бродить по окрестностям. Ишка, конечно, была с нами. Но раз кто-то из старших сказал нам:

– Вы теперь Ишку сильно не гоняйте. У неё будет маленький ишачок!

– Как – ишачок?

– Ну как – очень просто: родится детёныш.

Наташа оглянулась на Юлю:

– Ага, что? Вот ты мне не давала ездить на Ишке, теперь она мне другого ишака принесёт, ещё лучше. Думаешь, она не видела, что мне завидно?

Все согласились, что Ишка это очень хорошо видела, а Наташа продолжала:

– Ну уж этот мой ишак будет – так действительно красота! Никому не дам ездить на нём. Лучше и не просите – всё равно не дам!

С этих пор она изо всех сил стала ухаживать за Ишкой. Сама кормила её, следила, чтобы её не ударили и не напугали. А если нужно было куда-нибудь поехать на Ишке, она всякий раз долго торговалась:

– Ну зачем непременно на Ишке? Не можешь ты, что ли, пешком пойти? Смотри, как она глаза закрывает. Может быть, она больная.

Сначала мы ждали ишачка каждый день. Наташа, как только вставала утром, сейчас же бежала к Ишке. Когда она возвращалась, мы спрашивали:

– Ну что, есть?

– Нету ещё, наверно, завтра.

Но вот прошло лето, осень, выпал снег, и мы с Соней уже давно ходили в школу, а ишачка всё не было.

Наташу стали грызть сомнения:

– Должно быть, она забыла. А то, может, обиделась на что-нибудь. Скоро год, как обещали, и всё никак она не раскачается.

Она пробовала объясниться с Ишкой, но ишачка всё не было, и Наташа перестала её навещать.

К началу весны живот у Ишки сделался как лодка. Она перестала задирать корову и собак, ходила осторожно и всё грелась на солнышке. Уйдёт на огород, выберет себе местечко посуше, встанет и греется.

Как-то в воскресенье отец сказал нам:

– Ну, теперь надо смотреть за Ишкой: наверно, уже скоро...

Не успел он договорить, как в комнату вбежала Юля:

– Родается... на огороде...

Все побежали туда. В небольшой ложбинке, там, где летом росли огурцы, лежал чудесный чёрненький ишачок. Ишка металась вокруг него и всё старалась поднять его носом. Отец хотел помочь ей, но она завизжала от ярости и бросилась на него. Тут мы заметили, что ишачок всё время лежит неподвижно.

Отцу показалось это странным. Он взял палку, отогнал Ишку и нагнулся над детёнышем.

Ишачок был мёртвый. Отец поднял его за ноги и понёс. Голова ишачка болталась во все стороны, а Ишка бежала рядом, лизала его и как-то беспомощно хрюкала, словно всхлипывала.

Оказалось, что ишачок родился вполне здоровым. Но он был у Ишки первый, и она сама убила его. Может быть, потому, что испугалась, а может, по неосторожности. Потом мы узнали, что у животных это часто случается с первыми детёнышами.

Ишачка понесли далеко в поле закапывать. Мы молча шли следом. Ишка тоже хотела бежать за нами, но её отогнали и заперли ворота. Она долго носилась вдоль забора, кричала и звала своего ишачка.

Вернувшись домой, мы хватились, что между нами что-то не видно Наташи. Она не ходила с нами в поле, и вообще, когда выяснилось, что Ишка убила своего детёныша, она куда-то исчезла.

Стали искать её. Я заглянула в полутёмную конюшню. Она сидела в углу под яслями и плакала. Рядом с ней стояла Ишка и облизывала на её лице слёзы.

– Уходи вон! – отмахивалась от неё Наташа. – Болван дурацкий! С ума ты, что ли, сбесилась?.. Моего ишачка уби-и-ила!..

И она опять залилась слезами.

Прошёл ещё год. Хозяин продал городской дом, в котором мы жили, и мы переехали в наш милый лесной домик. Он стоял высоко в горах. Поблизости от него были только казахские юрты, и нам там было полное раздолье. Лошади, корова и Ишка были тоже очень довольны. Они целыми днями ходили на свободе, паслись в горных лугах, пили прозрачную воду.

Мы опять не ездили на Ишке: у неё скоро должен был снова родиться ишачок.

Однажды мы вели Ишку мимо аула. Юрты стояли ещё выше в горах, приблизительно в полуверсте от кордона. Там жили пастухи. Старый одноглазый пастух Якуб подозвал нас, окинул опытным взглядом Ишку и сказал, ухмыляясь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.